W 351/448

2 89
Г 87

Многоуважаемому
Якову Лазаревичу Барскову -

W 351/448

О СУЩНОСТИ И ПРИЧИНАХЪ

РУССКАГО РАСКОЛА

автора

ТАКЪ НАЗЫВАЕМАГО

СТАРООБРЯДСТВА.

М. Громогласова.

2-я типографія
А. М. Снегиревой въ Сергіевомъ Посадѣ Московск. губ.
1895.

2 89
Г87
W351
W448

О СУЩНОСТИ И ПРИЧИНАХЪ

РУССКАГО РАСКОЛА

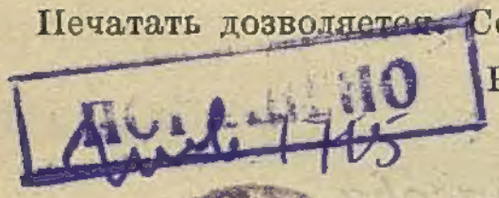
ТАКЪ НАЗЫВАЕМАГО

СТАРООБРЯДСТВА.

М. Громогласова.

2-я типографія
А. М. Снегиревой въ Сергіевомъ Посадѣ Московск. еуб.
1895.

Печатать дозволяется. Сергіевъ Посадъ. Мая 1 дня 1895 года.
Ректоръ Академіи **Архимандритъ Антоній.**



92700-46

2007080099

Оттискъ изъ №№ 3 и 4 „Богословскаго Вѣстника“ за 1895 г.

2-я типографія **А. И. Снегиревой,** въ Сергіевомъ Посадѣ, Моск. губ.

О сущности и причинахъ русскаго раскола старообрядства[1]).

Русскій расколъ такъ наз. старообрядства, разсматриваемый со стороны внѣшнихъ фактовъ своей первоначальной исторіи, представляетъ явленіе довольно странное и не совсѣмъ понятное на первый взглядъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно указать не въ одной только русской, а и во всей исторіи другое явленіе, столь же неожиданное по своимъ *видимымъ* причинамъ и столь значительное по своимъ послѣдствіямъ въ народной жизни. Нѣсколько опечатокъ, въ сущности весьма не важныхъ, нѣсколько ошибокъ, иногда чисто орѳографическихъ (напр. начертаніе имени Спасителя „Исусъ“ вмѣсто „Іисусъ“), сознательно или безсознательно внесенныхъ большею частію лишь за немного лѣтъ предъ тѣмъ въ печатныя богослужебныя книги, нѣсколько церковно-обрядовыхъ подробностей, не имѣющихъ ни дѣйствительной догматической важности, ни безспорнаго авторитета перво-христіанской древности (каковы: двуперстіе при крестномъ знаменіи, сугубая аллилуія и т. под.),—вотъ тѣ *видимые* предметы разногласія, которые по какому-то странному и прискорбному недоразумѣнію „раскололи“ русскій народъ и послужили зерномъ болѣе двухъ вѣковъ продолжающейся глубокой религіозной вражды. Во второй половинѣ XVII в., когда ошибки въ книгахъ и произвольныя измѣненія въ обрядахъ, уже давно обращавшія на себя вниманіе представителей церковной власти, стали особенно замѣтны, умный и энергичный патріархъ Никонъ предпринялъ новое, болѣе исправное изданіе важнѣйшихъ церковно-

[1]) Статья эта, съ значительными сокращеніями, была прочитана въ качествѣ пробной лекціи въ Моск. Дух. Академіи.

богослужебныхъ книгъ и сдѣлалъ также нѣкоторыя поправки въ современныхъ церковныхъ обрядахъ. Но противъ этого несомнѣнно полезнаго и вполнѣ законнаго предпріятія возстали—по невѣжеству и неразумію, какъ полагаютъ одни, или по какимъ-нибудь личнымъ счетамъ, какъ думаютъ другіе—нѣсколько человѣкъ, бывшихъ прежде друзьями Никона, а теперь вдругъ ставшихъ его непримиримыми врагами. Они стали настойчиво утверждать, что Никонъ не исправить хочетъ церковную жизнь, а передѣлать ее всю, „какъ-нибудь, лишь бы не по старому“ [1]); что его корректура церковныхъ книгъ — не исправленіе, а еретическая порча этихъ книгъ [2]); распоряженія относительно церковной обрядности—возстаніе на великіе церковные догматы [3]), а все вообще предпринятое имъ дѣло—такое тяжкое паденіе церкви, какого дотолѣ не представляла исторія христіанства [4]). Воспользовавшись весьма распространенными въ то время мистико-апокалипсическими толками о близости царства антихристова [5]), они говорили, что Никонъ своими „новшествами“ готовитъ путь антихристу, откуда явно, что онъ есть антихристовъ „предотеча“ [6]). И вотъ такая-то про-

---

[1]) Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія, изд. подъ ред. проф. *Н. И. Субботина*, т. V, стр. 90. М. 1879.

[2]) Матер. т. V, стр. 121.—„Какъ не бѣда содѣяся въ земли нашей?“—писалъ прот. Аввакумъ въ одномъ изъ своихъ посланій къ боярынѣ Морозовой: *всѣхъ еретиковъ отъ вѣка ереси собраны въ новыя книги:* духу лукавому напечатали молиться, въ томъ же крещеніи сатаны не отрицаются“ и т. д.,—слѣдуетъ довольно длинный перечень „ересей“, внесенныхъ, будтобы, Никономъ въ богослужебныя книги (см. тамъ же, стр. 186).

[3]) Матер. т. VI, стр. 199 и мн. др.

[4]) Матер. т. VI, стр. 64—65.—Аввакумъ въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ сочиненій (Посланіе царю Ѳеодору Алексѣевичу, писанное изъ Пустозерска) слѣдующими рѣзкими чертами изображаетъ послѣдствія, какія имѣло дѣло Никона для русской церкви: „Столпи поколебашася навѣтомъ сатаны, патріарси изнемогоша, святителіе падоша и все священство еле живо, Богъ вѣсть, али и умроша. Увы, погибе благоговѣйный отъ земли и нѣсть исправляющаго въ человѣцѣхъ“. (Матер. т. V, стр. 156).

[5]) Въ особенности имѣли значеніе въ этомъ случаѣ замѣчанія Книги о вѣрѣ, гдѣ ожиданіе происшествія антихристова прямо пріурочивалось къ оказавшемуся столь важнымъ въ исторіи раскола 1666 году.

[6]) Матер. т. VI, стр. 264.—„Всякому буди вѣдомо, — говорили расколоучители,—яко нѣсть нынѣшнихъ книгъ разумъ исправленія, но отъ вѣры отступленіе, по числу звѣря 666, и ко антихристу присвоеніе“ (Матер. т. VII, стр. 364).

повѣдь, несмотря на всю ея видимую для насъ странность и несообразность, нашла сердечное сочувствіе и живой отголосокъ въ народныхъ массахъ, которыя рѣшились твердо держаться дониконовскихъ книгъ и обрядовъ и ни за что не хотѣли принять „нововводныхъ догматовъ". Къ этому не могли ихъ принудить ни соборныя клятвы 1667 г. на упорныхъ противниковъ церковныхъ исправленій, канонически закрѣпившія ихъ самовольное отдѣленіе отъ церкви, ни жестокія „градскія казненія", съ которыми гражданская власть не замедлила придти на помощь церкви, ни разнообразныя стѣсненія гражданскихъ и политическихъ правъ, какими замѣнились эти „казненія" въ дальнѣйшей исторіи раскола. На церковную анаѳему раскольники отвѣтили анаѳемою съ своей стороны, на правительственныя преслѣдованія—отрицаніемъ правительства, какъ власти враждебной, по ихъ мнѣнію, истинному христіанству. Отвергшую ихъ церковь и гнавшее ихъ государство они объявили царствомъ антихриста,—и къ прежнему отрицанію неважныхъ церковно-обрядовыхъ подробностей: третьей аллилуіи, хожденья противъ солнца и новой печати на просфорахъ присоединилось—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ сектахъ и въ нѣкоторыя наиболѣе тяжелыя эпохи исторіи раскола—отрицаніе почти всего господствующаго церковно-іерархическаго и государственно-общественнаго строя. Такъ, повидимому, изъ-за довольно мелкихъ причинъ и случайныхъ личныхъ недоразумѣній возникъ у насъ расколъ старообрядства,— этотъ, по выраженію современника его возникновенія (царя Алексѣя Михайловича), „куколь душевредный", засорившій ниву Божію [1]), эта „въ обществѣ гнилая рана, которая ни ѣдкими строгостей пластырьми, каковые прежде употребляемы были, ни мягкими милосердія средствами, какія нынѣ прилагаются, не пользуется, и не только остается неисцѣльною, но еще претворяется въ черномъ народѣ въ заразу, умножающую ядъ свой въ сердцахъ невѣжливыхъ упрямцевъ",—какъ отозвался о расколѣ одинъ изъ его православныхъ историковъ [2]).

[1]) Дополн. къ Акт. Истор., т. V, № 102, стр. 445,—*Щаповъ*, Русскій расколъ старообрядства, стр. 5, Казань 1859.

[2]) *Андрей Іоанновъ* (Журавлевъ),—Полное историч. извѣстіе о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ, такъ называемыхъ старообрядцахъ, о ихъ ученіи, дѣлахъ и разгласіяхъ, стр. 55. СПБ., 1831.

Слѣдя за этою цѣпью внѣшнихъ историческихъ фактовъ, изъ которыхъ сложилась начальная исторія раскола, на первый взглядъ видишь передъ собою какъ будто рядъ отдѣльныхъ, разрозненныхъ звеньевъ, плохо сомкнутыхъ одно съ другимъ,—рядъ отдѣльныхъ явленій, не связанныхъ тою внутреннею связью логической необходимости, благодаря которой предыдущія событія представляются сознанію, какъ достаточное основаніе послѣдующихъ. Не удивительно поэтому, что при первыхъ попыткахъ уяснить сущность и причины старообрядческаго раскола со стороны изслѣдователей обнаружилось стремленіе (поддержанное, между прочимъ, и полемическою тенденціей) представить расколъ довольно случайнымъ явленіемъ русской жизни, возникшимъ изъ жалкаго недомыслія и мелкихъ личныхъ недоразумѣній. Не видя въ расколѣ ничего кромѣ неразумной борьбы за неприкосновенность книжной опечатки и за неизмѣнность искаженнаго обряда, изслѣдователи-полемисты указывали въ въ объясненіе этой борьбы на воспитанное невѣжествомъ суевѣрное уваженіе русскихъ людей того времени къ буквѣ и обряду, не допускавшее, будто-бы, ни малѣйшихъ перемѣнъ въ современныхъ богослужебныхъ книгахъ и чинахъ, да на личную вражду къ Никону первыхъ вождей раскола за удаленіе ихъ, по вступленіи его на патріаршій престолъ, отъ почетной должности книжныхъ справщиковъ (которую они, будто-бы, занимали при п. Іосифѣ), за несбывшіяся мечты о широкомъ вліяніи на ходъ церковныхъ дѣлъ и т. под. „На расколъ — говоритъ одинъ изъ сторонниковъ этого взгляда—мы должны смотрѣть не иначе, какъ на *естественный плодъ невѣжества и суевѣрія*, развившихся въ нашемъ отечествѣ, какъ извѣстно, съ особенною силою послѣ монгольскаго ига. Невѣжество породило въ народѣ нѣкоторыя ложныя мнѣнія касательно церковной обрядности и произвело церковные безпорядки, которые впослѣдствіи и послужили основаніемъ раскола; а суевѣріе придало этимъ заблужденіямъ значеніе непреложной святыни, ослабивъ въ невѣжественномъ народѣ истинный духъ вѣры и развивъ вмѣсто него слѣпую, не управляемую здравымъ смысломъ, привязанность къ мнимой старинѣ. Привязанность эта особенно возрасла во времена церковныхъ исправленій, которыя предпринимаемы были церковною властію, и стала по-

томъ, такъ сказать, жизненною силою раскола. Такимъ образомъ невѣжество и неразумная (безъ духа истинной вѣры) привязанность нашихъ предковъ временъ послѣ-монгольскихъ къ одной церковной внѣшности—это *источныя* (внутреннія) *причины* появленія въ русской церкви раскола старообрядства, на ряду съ которыми дѣйствовали и другія, второстепенныя [1]). По мнѣнію другихъ изслѣдователей (напр. преосвящ. Макарія, высказанному въ его „Исторіи русскаго раскола“), въ невѣжествѣ первыхъ расколоучителей хотя и заключается одна изъ причинъ ихъ протеста противъ книжныхъ и обрядовыхъ исправленій, но причина *не главная*, „а главная заключается въ *личныхъ отношеніяхъ къ патріарху Никону*. Коломенскій епископъ Павелъ былъ близкимъ родственникомъ Ананіи, въ монашествѣ Антонію, іеромонаху Юнгенскаго Козмодемьянскаго монастыря (въ нынѣшней Казанской губ.), которому, по смерти патріарха Іосифа, выпалъ было жребій изъ числа трехъ кандидатовъ быть его преемникомъ, но который долженъ былъ отказаться отъ этого завиднаго жребія въ угожденіе царю Алексѣю Михайловичу, желавшему видѣть на патріаршемъ престолѣ митрополита новгородскаго Никона. Сынъ Ананіи Иларіонъ, митрополитъ суздальскій, въ мірѣ Иванъ Апаньинъ, былъ женатъ на родной сестрѣ Павла, епископа коломенскаго. Павелъ по близости своей епархіи къ Москвѣ и по родству съ Ананіею — Антоніемъ могъ надѣяться на большее значеніе при его патріаршествѣ, нежели при Никоновомъ. Потому какъ Иларіонъ суздальскій, такъ и Павелъ коломенскій питали глубокую непріязнь противъ Никона. Протопопы Іоаннъ Нероновъ, Аввакумъ, Даніилъ, Логгинъ и ихъ сотоварищи воспылали ненавистью къ Никону за то, что онъ съ безчестіемъ устранилъ всѣхъ ихъ отъ должности справщиковъ [2]), доставлявшей имъ столько почету,

---

[1]) *Опоцкій Д.* О причинахъ появленія въ русской церкви раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства, стр. 13—14. СПБ., 1861.

[2]) Въ другомъ мѣстѣ своей „Исторіи русск. раскола“ преосв. Макарій перечисляетъ, въ качествѣ книжныхъ справщиковъ при п. Іосифѣ, всѣхъ видныхъ дѣятелей первоначальной исторіи раскола, каковы: Іоаннъ Нероновъ, ключарь Успенскаго собора, потомъ протопопъ Казанскаго собора въ Москвѣ, Ѳедоръ—дьяконъ Благовѣщенскаго Московскаго собора, и изъ иногородныхъ: Аввакумъ—протопопъ Юрьевца Повольскаго, Никита (про-

призналъ напечатанныя ими книги неисправными и началъ искоренять тѣ самыя мнѣнія, которыя они первые внесли было въ печатныя книги и надѣялись укоренить въ русской церкви. Но станемъ отвергать,—продолжаетъ тотъ-же историкъ,—что эти люди равно какъ и Павелъ коломенскій, можетъ быть, и убѣждены были, по *жалкому невѣжеству*, въ правости своихъ мнѣній и въ совершенной исправности книгъ церковныхъ, которыя рѣшился исправлять Никонъ; но *личная ненависть* къ Никону воспламеняла ихъ слѣпую ревность по вѣрѣ до религіознаго фанатизма и руководила всѣми ихъ дѣйствіями“ [1]). Итакъ, ненависть и невѣжество—вотъ два начальные источника русскаго раскола. Этотъ взглядъ, представляющій лишь повтореніе сужденія, высказаннаго еще Епифаніемъ Славинецкимъ [2]), долгое время держался въ нашей историко-полемической литературѣ о расколѣ; до весьма недавняго времени онъ былъ въ ней не только господствующимъ, но даже исключительнымъ, и—можно сказать—остается господствующимъ до сихъ поръ, если судить по стоящему на его сторонѣ большинству лицъ, печатно высказывающихъ у насъ свои сужденія о расколѣ.

Въ какой мѣрѣ представленный взглядъ соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности? другими словами: дѣйствительно ли расколъ старообрядства произошелъ оттого, что русскіе люди XVII в. по своему крайнему невѣжеству считали совершенно непозволительнымъ и противнымъ вѣрѣ и благочестію исправленіе явно неисправныхъ богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, да еще оттого, что противъ виновника

званный пустосвятомъ)—священникъ суздальскій, Логгинъ—протопопъ Муромскій, Даніилъ—протопопъ Костромской и нѣкоторые другіе; къ нимъ же причисляетъ и Стефана Вонифатьева—придворнаго протопопа и духовника царскаго (назв. соч. стр. 125). Впослѣдствіи высокопреосвященный историкъ имѣлъ мужество отказаться (въ Исторіи русск. церкви, т. XI, стр. 126) отъ своего прежняго мнѣнія, допустивши только возможность *вліянія* названныхъ лицъ на дѣла печатнаго двора.

[1]) *Макарій*, Исторія русск. раскола, стр. 178—179. СПБ., 1858.

[2]) „Сіи—говоритъ Епифаній о первыхъ расколоучителяхъ—темнымъ умовредныя *ненависти* и дебелаго *невѣдѣнія* мракомъ душевредно омрачившеся, и мысленныя очеса своя, во еже на свѣтлую исправленій лучю не зрѣти, смеживше..., на первопрестольнаго священноначальника... злокозненнѣ роптати дерзаютъ“ (привед. у преосв. *Макарія*. цит. соч. стр. 179).

этого исправленія востало нѣсколько жалкихъ личностей, по своей душевной низости оказавшихся неспособными поставить великое дѣло церковной правды выше мелочныхъ интересовъ оскорбленнаго самолюбія? Внимательное разсмотрѣніе этихъ предполагаемыхъ причинъ раскола заставляетъ отнестись къ нимъ съ большою осторожностію. И пресловутое русское невѣжество, и личная вражда нѣкоторыхъ къ Никону, безъ сомнѣнія, имѣли непослѣднее значеніе въ первоначальной исторіи раскола; но не въ нихъ главная пружина событій, изъ которыхъ сложилась эта исторія. Что касается первой изъ указанныхъ причинъ, то противъ выдвиганія ея на первый планъ въ настоящемъ случаѣ говоритъ вся предшествующая исторія церковныхъ книгъ и обрядовъ на Руси. Извѣстно, что дѣло книжнаго и обрядоваго исправленія не было у насъ чѣмъ-то совершенно неизвѣстнымъ до п. Никона. Сознаніе неисправности обрядовъ и книгъ и необходимость исправленія тѣхъ и другихъ нерѣдко высказывалось и во времена предшественниковъ Никона, — высказывалось вполнѣ опредѣленно и рѣшительно представителями власти церковной и гражданской [1]) и другими лицами, напр. книжными справщиками въ послѣсловіяхъ изданныхъ ими книгъ [2]). Длинною цѣпью тянутся на пространствѣ XV—XVII в. постоянныя жалобы на церковно-обрядовыя неисправленія, на книжныя ошибки—„описи, недописи и точки непрямыя“,—и параллельно этимъ жалобамъ идутъ многочисленныя попытки исправить книги, возстановить благочестивые обряды. Если эти попытки вызываютъ иногда противодѣйствіе, то оно выходитъ вовсе не изъ отрицанія въ принципѣ возможности и права церковной власти дѣлать исправленія того, что стало неисправнымъ, а направляется противъ предполагаемой или дѣйствительной неправильности въ выполненіи возможнаго и нуж-

[1]) См. Стоглавъ, гл. 5, царск. вопросъ 5-й; митроп. кіевскій Петръ Могила въ предисл. къ изд. имъ Служебнику 1639 г. и къ Требнику 1646 г.; опред. дух. власти по смерти п. Гермогена о служебникѣ, изд. при п. Іовѣ; окружн. грамота п. Филарета объ уставѣ, изд. при п. Гермогенѣ, и проч. (*Макарій*, Ист. р. раск., стр. 133—136).

[2]) Послѣсловія эти достаточно извѣстны. См. *Озерскаго*—Выписки изъ старописм. и старопечатн. книгъ, ч. 2, стр. 1—9. М. 1862. Нѣкоторыя изъ нихъ приведены также у *Андрея Іоаннова* (стр. 34—37, 43—50) и *Макарія* (Ист. р. раск. стр. 129—132).

наго дѣла,—противъ ложныхъ пріемовъ исправленія. Обвинялась не церковная власть, которая признавала необходимымъ дѣло исправленія и поручала его тѣмъ или др. лицамъ, а самыя эти лица обвинялись церковною властью, какъ злоупотребившіе ея довѣріемъ и худо выполнившіе—„по своему разуму“, а не „по совѣту соборныя апостольскія церкве и святыхъ отецъ преданію“—возложенное на нихъ великое дѣло [1]). Рѣшительно невозможно понять, почему русскіе люди, именно такъ смотрѣвшіе на дѣло книжнаго и обрядоваго исправленія въ XV—XVII в. до п. Никона, во второй половинѣ XVII в. должны были посмотрѣть на то же самое дѣло иначе и признать непозволительнымъ то, что̀ прежде считалось не только позволительнымъ, но и богоугоднымъ [2]). Никакія разсужденія о глубокомъ невѣже-

---

[1]) Когда препод. Максимъ Грекъ, исправляя Тріодь, началъ оглашать замѣченныя въ ней ошибки, противъ него раздались укоризны, что онъ „отмѣняетъ слова *по своему произволу*, исправляетъ *по своему разуму*“, и именно за это предполагаемое произвольное искаженіе св. книгъ, а не за исправленіе вообще его осудили какъ „еретика, богодухновенныя книги растлѣвающа, а не правящa“ (*Макарій* Ист. р. раск., стр. 20—21). Если бы во времена пр. Максима у насъ смотрѣли на исправленіе церковныхъ книгъ какъ на дѣло совершенно непозволительное, то Максиму не пришлось бы и начинать исправленія, къ которому онъ приступилъ, какъ извѣстно, по волѣ в. князя и митрополита. Безъ сомнѣнія, горькая участь и тяжелыя преслѣдованія, жертвою которыхъ сдѣлался пр. Максимъ (и послѣ него пр. Діонисій), были дѣломъ человѣческой злобы и невѣжества; однако, нельзя не признать и того, что его исправленія „могли имѣть и дѣйствительно имѣли, какъ и самъ онъ сознается, свои неточности и даже погрѣшности. особ. въ началѣ, по недостаточному изученію имъ славянскаго языка“ (*Макарій*, цит. соч. стр. 21); а потому и возбужденіе противъ сдѣланныхъ имъ измѣненій въ книгахъ имѣетъ и другія основанія, кромѣ личной злобы и невѣжества. Эти двѣ причины только усилили проявленія недовольства и сдѣлали участь препод. Максима особенно тяжелою.

[2]) Взглядъ русскихъ людей на исправленіе церковныхъ книгъ, какъ на дѣло не только позволительное, но и богоугодное, ясно выраженъ въ постановленіяхъ Стоглаваго собора, который вмѣняетъ въ обязанность „протопопамъ и старѣйшимъ священникомъ и избраннымъ священникомъ со всѣми священниками въ коемждо градѣ во всѣхъ св. церквахъ дозирати... священныхъ книгъ святыхъ евангелей і апостолъ и прочихъ святыхъ книгъ ихже соборная церковь пріемлетъ... Которые будутъ святыя книги евангеліе и апостолы и псалтыри и прочая книги въ коейждо церкви обрящете неправлены и описливы, *и вы бы тѣ святыя книги съ добрыхъ переводовъ исправливали соборне*, занеже, священныя правила о томъ запрещаютъ и не повелѣваютъ неправленыхъ книгъ въ церковь вносити и по нихъ пѣти“ (гл. 27,

ствѣ русскаго народа не могутъ сдѣлать этой непонятной предполагаемой перемѣны болѣе понятною. Народное невѣжество, взятое само по себѣ, насколько обнаруживаетъ вообще излишнее стремленіе къ охраненію старыхъ формъ жизни, настолько же—съ другой стороны—отличается благоговѣйнымъ довѣріемъ къ привычному авторитету и всегда болѣе склонно дѣйствовать по его указкѣ, пассивно повинуясь начальственнымъ предписаніямъ, чѣмъ вдаваться въ критику этихъ предписаній и протестовать противъ мѣропріятій признанной власти. Такимъ образ., при объясненіи успѣха или неуспѣха реформъ, идущихъ сверху, оно оказывается—если позволительно такъ выразиться—палкою о двухъ концахъ... Не должно забывать и того, что лица, ставшіе вождями раскола при Никонѣ, вовсе не были круглыми невѣждами и во всякомъ случаѣ были не менѣе образованны (разумѣется, по тогдашнему), чѣмъ противники книжныхъ исправленій при Максимѣ Грекѣ, равно какъ и вообще русское общество половины XVII в. едва ли стояло въ этомъ отношеніи ниже, чѣмъ то же общество въ XV—XVI в. [1]).

казанск. изд. 1862 г. стр. 124—125). Стоглавъ предписываетъ также названнымъ лицамъ повсюду имѣть наблюденіе за книжными переписчиками и не допускать продажи и покупки неисправленныхъ книгъ,—отбирать такія книги, править и отдавать въ бѣдныя церкви, и заключаетъ: „и вы бы о всѣхъ тѣхъ предреченныхъ церковныхъ чинѣхъ и о честныхъ иконахъ и о св. книгахъ и о всемъ о томъ потщилися совершити и исправити елика ваша сила *и за то отъ Господа Бога велику мзду воспріимете и отъ благочестиваго царя хвалу и честь и отъ нашего смиренія соборное благословеніе а ото всего народа благодареніе и хваленіе* за ваши священническія труды и подвиги“ и т. д. (гл. 28, стр. 126).

[1]) Вообще, мысль о глубокомъ невѣжествѣ допетровской Руси, столь рѣшительно и охотно повторявшаяся изслѣдователями добраго стараго времени, съ успѣхами историческихъ изысканій подвергается все большимъ и большимъ ограниченіямъ. Не имѣя возможности вдаваться здѣсь въ подробныя разъясненія относительно этого предмета, мы ограничимся лишь нѣкоторыми указаніями, заимствуя ихъ изъ актовой рѣчи проф. А.И. Соболевскаго: „Образованность Московской Руси XV—XVII вѣковъ“. Воспользовавшись для своихъ соображеній различными документами (челобитными, поручными, духовными, обысками и т. под.), а также житіями русскихъ святыхъ XV—XVII в., названный изслѣдователь приходитъ къ слѣд. заключеніямъ о степени распространенія грамотности въ различныхъ классахъ русскаго народа того времени: а) бѣлые священники за время, о которомъ сохранились свѣдѣнія, были поголовно грамотны, и вовсе нѣтъ указаній на существованіе неграмотныхъ дьяконовъ и дьячковъ; большинство чернаго духовенства тоже

Обращаясь къ положительнымъ свидѣтельствамъ, сохранившимся въ сочиненіяхъ первыхъ расколоучителей, мы вполнѣ убѣждаемся, что они не были, дѣйствительно, рѣшительными противниками книжныхъ и обрядовыхъ исправленій и слѣпыми защитниками неизмѣнности того, что̀ находили написаннымъ или напечатаннымъ въ старой книгѣ. Они вѣрили, что „въ церкви Христосъ царствуетъ и не даетъ ей погрѣшать не только въ вѣрѣ и догматахъ вѣры, но и въ малѣйшей частицѣ догматовъ, каноновъ и пѣсней“ [1]). Но это не мѣшало имъ сознавать, что отдѣльныя лица—перепис-

---

было грамотно; б) относительно высшаго свѣтскаго класса—бояръ и дѣтей боярскихъ—данныя позволяютъ признать, что болѣе 50% крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ московской Руси въ XVI и XVII в. были грамотны, безразлично—гдѣ бы они ни жили: въ самой ли Москвѣ или на окраинахъ московскаго государства; в) московскіе торговые люди XV—XVII в. если не были грамотны поголовно, то развѣ лишь за небольшими исключеніями; г) процентъ грамотныхъ между посадскими людьми едва ли можетъ быть опредѣленъ ниже 20, а среди крестьянъ—ниже 15; наконецъ д) среди стрѣльцовъ, пушкарей, казаковъ, гдѣ грамотность былъ наименѣе распространена, все—таки постоянно оказываются грамотные. При такомъ распространеніи грамотности заслуживаетъ еще вниманія и то обстоятельство, что „мы не слышимъ ни отъ кого никому никакихъ похвалъ за простую грамотность, не замѣчаемъ, чтобы простая грамотность сколько нибудь высоко цѣнилась. Напротивъ, того, мы имѣемъ рядъ указаній, что одно умѣнье читать и писать въ XVI и XVII вѣкахъ многихъ не удовлетворяло. Можно сказать, что въ Москвѣ этого времени не высоко цѣнили даже людей просто „грамотѣ гораздыхъ“, такихъ, которые отлично читали и писали; ихъ сочиненіями, даже важными по содержанію, но написанными „простою рѣчію“, „безъ украшенія“, открыто пренебрегали, и ихъ самихъ называли „невѣждами“. Значеніе придавалось тогда лишь людямъ вполнѣ изучившимъ священное писаніе и святоотеческія творенія и проникшимъ въ ихъ смыслъ, а сверхъ того, свободно владѣвшимъ церковно-славянскимъ языкомъ“ (*Соболевскій*, цит. соч., стр. 12, въ „Отчетѣ о состояніи и дѣятельности Имп. С. Петерб. Унив. за 1891 г.“). Во всѣмъ этомъ есть, быть можетъ, нѣкоторая доля преувеличенія; но во всякомъ случаѣ гораздо большая доля преувеличенія—только въ другую сторону—заключается въ ходячемъ мнѣніи, что въ указанное время „невѣжество, самое полное невѣжество господствовало въ Московскомъ государствѣ не только между мірянами, но и среди духовенства, не только въ простомъ народѣ, но и въ высшихъ слояхъ общества“. Прекрасную характеристику широкой богословской (и не одной только богословской) начитанности книжныхъ русскихъ людей первой половины XVII в. даетъ *А. И. Голубцовъ*,—см. его рѣчь: „Къ характеристикѣ состоянія просвѣщенія на Москвѣ въ первой половинѣ XVII столѣтія“ (Богосл. Вѣстн. 1892 г., кн. I, стр. 97—106).

[1]) Прот. Аввакумъ.—Правосл. Собес. 1869 г., т. II, стр. 28.

чики и справщики книгъ—могли допускать болѣе или менѣе значительныя ошибки, требующія исправленій. „Не диво то,—говоритъ дьяконъ Ѳедоръ—еже *и въ старыхъ книгахъ какія описи бываютъ и есть, и тому бываетъ правое разсужденіе, и послѣди исправляется отъ искусныхъ мужей.* Ово бо опись, ово же превращеніе и премѣненіе книгамъ и догматомъ церковнымъ. За опись бо кую въ книгѣ какой ни есть и погрѣшенное слово не подобаетъ намъ ни спиратися, ни стояти; а за превращеніе книгъ старыхъ и догматъ правыхъ измѣненіе подобаетъ всякому христіанину и страдати и умирати, обаче съ разумомъ, испытавъ вещь всякую опасно писаніемъ святыхъ отецъ“ [1]). Подъ этими разсужденіями, думается намъ, не откажется подписаться и самый православный человѣкъ не только тѣхъ давнихъ временъ, когда они были писаны, но и нашего просвѣщеннаго вѣка. Съумѣли ли вожди раскола и ихъ послѣдователи въ дѣйствительности остаться вѣрными высказанному здѣсь принципу,—это другое дѣло; но несомнѣнно, что принципъ этотъ не былъ чуждъ ихъ сознанію: такъ они говорили и думали, такъ они хотѣли и дѣйствовать.— Еще менѣе можно согласиться съ тѣмъ, что причиною протеста, разросшагося потомъ въ расколъ, была личная вражда первыхъ расколоучителей, къ Никону. Не говоря уже о томъ, что наиболѣе умѣстные въ данномъ случаѣ изъ обычно указываемыхъ мотивовъ этой вражды далеко не подтверж-

---

[1]) Посланіе изъ Пустозерска къ сыну Максиму (Матер. т. VI, стр. 127).— Правда, у того же дьякона Ѳеодора (и у другихъ расколоучителей) мы встрѣчаемъ заявленія и иного рода: что старыя книги „право исправлены и исправленія не требуютъ отъ піяныхъ философовъ, кои возносятся на разумъ Божій, то не такъ, иное не етакъ, сказываютъ; добро намъ всякому житіе свое правити по законѣ Господни, а не книги“ (Матер. т. VI, стр. 42). Но въ подобнаго рода заявленіяхъ, въ виду яснаго разсужденія, приведеннаго въ текстѣ, мы склонны усматривать не рѣшеніе дѣла по существу, а замѣчанія ad hoc,—понимать ихъ въ томъ смыслѣ, что лучше ужь примириться съ существующими въ книгахъ неважными неисправностями, принимать ихъ въ томъ видѣ, какъ онѣ есть, чѣмъ позволять править эти книги по своему разуму „пьянымъ философамъ, возносящимся на разумъ Божій“. Во всякомъ случаѣ, думающіе иначе должны считаться съ приведеннымъ разсужденіемъ дьякона Ѳеодора и по своему примирить его съ общимъ, приписываемымъ первымъ расколоучителямъ, мнѣніемъ относительно книжныхъ исправленій.

даются фактами [1]),—всѣ они слишкомъ недостаточны для объясненія той непоколебимой стойкости, какую обнаруживаютъ противники Никона въ борьбѣ противъ предполагаемыхъ „новшествъ“, и обусловливаемое этими мотивами чувство личнаго оскорбленія нельзя не признать „слишкомъ мелкою чашкою“ для того, чтобы ею можно было исчерпать все—безъ преувеличенія—бездонное море тѣлеснаго и душевнаго страданія, какое выпало, напр., на долю прот. Аввакума (см. его „Житіе“) и др. Оскорбленнаго самолюбія, конечно, вполнѣ достаточно было бы для возбужденія въ изв. лицахъ желанія надѣлать всяческихъ непріятностей лично Никону, но совсѣмъ не достаточно для того, чтобы побудить ихъ произвести церковный мятежъ и—не боясь ни клятвы церковной, ни „градскихъ казней“ съ вырѣзываньемъ языковъ, отрубаньемъ рукъ и сжиганьемъ живьемъ въ срубахъ—рѣшительно отдѣлиться отъ церковнаго единства [2]). Еще

---

[1]) Что касается, напр., того, что первые расколоучители были книжными справщиками при п. Іосифѣ и – удаленные отъ этого дѣла Никономъ, признавшимъ ихъ къ исправленію книгъ неспособными, а изданныя ими книги неисправными—вслѣдствіе этого могли стать въ ряды противниковъ новаго исправленія, то „въ настоящее время мнѣніе объ этомъ положительно отвергается наукой. На основаніи прямыхъ указаній въ приходо-расходныхъ записяхъ печатнаго двора доказано, что наши первые расколоучители никогда не были справщиками печатнаго двора. Подтвержденіемъ этого служитъ и прямое свидѣтельство расколоучителя, близко знакомаго съ дѣлами при п. Іосифѣ, благовѣщенскаго придворнаго собора дьякона Ѳеодора, который намѣренно и съ настойчивостью заявляетъ относительно коломен. епископа Павла и протоп. Ивана Неронова; „намъ всѣмъ православнымъ христіяномъ по всей русской земли вѣдомо о томъ, яко нѣсть ихъ творенія, Павлова и Іоаннова, ни единыя молитвы, ни тропаря новаго, и единаго слова развратнаго не вложили они въ старыя книги наши нигдѣ отнюдь, и раскола въ церкви отъ нихъ не бывало никакова, *и у книжныя справы на печатномъ дворѣ не сиживали никогда, и въ наборщикахъ не бывали*: вѣдомо о томъ всей Москвѣ“ (Матер. т. VI, стр. 198—199). Можно считать доказаннымъ и то, что остальные расколоучители не могли имѣть никакого вліянія на книжную іосифовскую справу по той простой причинѣ, что при п. Іосифѣ они не жили въ Москвѣ“ (Прот. *И. Николаевскій*. Московскій печатный дворъ при п. Никонѣ,– Христ. Чтен. 1891 г., янв.—февр., стр. 149—150; подробнѣе объ этомъ въ ст. *проф. Н. Ѳ. Каптерева*—Патр. Никонъ, какъ церк. реформаторъ;—Прав. Обозр. 1887 г., № 2, стр. 322—329).

[2]) При рѣшеніи вопроса о роли личнаго самолюбія первыхъ вождей раскола въ ихъ протестѣ противъ „новшествъ“ не слѣдуетъ упускать изъ виду того, напр., что Аввакуму, его словамъ, давали мѣсто, гдѣ бы онъ захотѣлъ,

непонятнѣе то, какъ могла *личная вражда нѣкоторыхъ* къ Никону превратиться въ горячую, фанатическую *ненависть народныхъ массъ къ дѣлу* Никона и оторвать ихъ отъ церкви.

Въ предыдущихъ замѣчаніяхъ мы старались, между прочимъ, показать, что исправленіе книжныхъ ошибокъ и церковно-обрядовыхъ уклоненій *само по себѣ* не могло имѣть тѣхъ послѣдствій, какія ему иногда приписываются, и что протестъ противъ этихъ исправленій, опять таки разсматриваемыхъ сами по себѣ, не выражаетъ собою дѣйствительной сущности старообрядческаго раскола. Какъ же, однако, должны мы смотрѣть на всѣ эти споры о сугубой аллилуіи и тому подобныхъ предметахъ, наполняющіе собою всю исторію раскола и, по видимому, исчерпывающіе все его содержаніе? Не было ли это просто какой—нибудь маскировкой, при чемъ сугубая аллилуія служила только внѣшнимъ предлогомъ для борьбы, вытекавшей изъ совершенно другихъ основаній, только своего рода ширмами, за которыми скрывались другія, настоящія причины народнаго протеста? Такъ именно и смотритъ на дѣло другая группа изслѣдователей старообрядческаго раскола, видящая въ немъ явленіе не столько религіозной, сколько земской и политической жизни русскаго народа. Расколъ, по ихъ мнѣнію, представляетъ историческое явленіе, совершенно, не объяснимое одними религіозными побужденіями, въ родѣ сугубой аллилуіи и т. под. „Здравый смыслъ отказывается вѣрить,—говоритъ одинъ изъ этихъ изслѣдователей — что расколъ, внесшій такую рознь въ среду милліоновъ русскихъ людей, былъ слѣдствіемъ отступленія во второстепенныхъ подробностяхъ религіознаго догматизма и церковной

и въ духовники (царскіе) звали, даже сулили посадить на печатномъ дворѣ книги править (что для Аввакума было „надобно лутче и духовничества"), лишь бы онъ „соединился въ вѣрѣ". Такое сообщеніе не покажется невѣроятнымъ, если припомнить, что во дворцѣ весьма благоволили къ Аввакуму, и самъ царь Алексѣй Михайловичъ относился къ нему съ большимъ уваженіемъ и расположеніемъ. Кажется, удовлетвореніе личнаго самолюбія могло бы быть самое полное,—стоило только отказаться отъ своего упорства и стать въ ряды единомышленниковъ царя и патріарха. Аввакумъ, однако, не сдѣлалъ этого: „азъ же сія вся уметы вмѣнилъ, да Христа пріобрящу, и смерть помнивая, яко вся сія мимо идетъ" (Матер. т. V, стр. 60 и 65). Очевидно, корень упорства тутъ не въ мелкомъ житейскомъ самолюбіи.

обрядности", произошелъ оттого что „одни крестились двумя перстами, чтили старопечатныя книги, осмиконечный крестъ и пѣли сугубую аллилуію, а законъ другихъ предписывалъ трехперстное знаменіе, служеніе по новоисправленнымъ книгамъ, почитаніе четырехконечнаго креста и тройную аллилуію" [1]). Особенности церковнаго обряда, сдѣлавшіяся отличительною принадлежностію раскола, имѣли для него значеніе не сами по себѣ; онѣ были избраны предводителями раскола только какъ „предлогъ" какъ „лозунгъ болѣе знакомый, лежавшій ближе къ сердцу ихъ послѣдователямъ" [2]). Дѣйствительная же причина раскола заключается не здѣсь, а въ томъ разрушеніи старо-русскаго земскаго строя, какимъ сопровождался процессъ собиранія отдѣльныхъ „земель" въ единое Московское государство и выработка новаго государственнаго строя. Расколъ есть не религіозное, а соціально-демократическое движеніе, продуктъ недовольства русскаго земства государственнымъ правительствомъ, которое стягивало всю власть на себя и не слушалось голоса народа. Первый провозвѣстникъ новаго взгляда на расколъ въ нашей литературѣ, г. Щаповъ сначала (въ изслѣдованіи: „Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII", Казань 1859) высказывается еще довольно умѣренно: не игнорируя церковной стороны въ томъ движеніи, изъ котораго возникъ расколъ, онъ проводитъ лишь ту мысль, что расколъ старообрядства по своему происхожденію не *только* церковное, но и гражданско-соціальное явленіе, имѣющее свой корень и причину, кромѣ русскаго невѣжества и церковныхъ нестроеній, въ оппозиціонныхъ соціально-демократическихъ стремленіяхъ низшаго духовенства и народа. Но въ другомъ, болѣе позднемъ своемъ сочиненіи („Земство и расколъ", СПБ. 1862) онъ уже съ полною рѣшительностію высказываетъ взглядъ на русскій расколъ, какъ на протестъ податнаго земства противъ устроиваемаго по иноземному образцу, на перекоръ старорусскимъ преданіямъ, государственнаго

---

[1]) *Андреевъ В.* Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи, стр. 1. СПБ. 1870.

[2]) Тамъ же, стр. 9 и 10.

порядка и противъ тяжести лежавшихъ на земствѣ государственныхъ податей и повинностей. Послѣ смутнаго времени, пронесшагося разрушительною грозою надъ русской землей, послѣдняя находилась въ состояніи крайняго гражданскаго и экономическаго неустройства. Государевы служилые люди, воеводы и приказные взяточничали и тѣснили народъ; „волокита“ царствовала въ судахъ; платежи и повинности денежныя и натуральныя все увеличивались; жестокіе „правежи“ были средствомъ выбивать недоимки и взятки; торговля и промыслы были стѣснены; отъ невыносимаго давленія всѣхъ этихъ условій тяглые люди брели „врозь“, искали новыхъ мѣстъ и свободы отъ тягостей, налагаемыхъ государствомъ. Народное недовольство росло и выражалось въ массѣ челобитныхъ; въ общинно-областныхъ челобитьяхъ народъ высказывалъ первому, всею землею выбранному царю новой династіи „всю свою правду, всѣ вопросы жизни, далъ всѣ жизненно-народные, общинно-областные матеріалы для земскаго строенья, для реформъ. Но при преемникѣ Михайла Ѳеодоровича характеръ отношеній между земствомъ и государственною властью круто измѣняется. „Тишайшій“ царь Алексѣй отказался дать запись, какая учинена была по совѣту всей земли на земскомъ соборѣ 1613 г. „Вмѣсто земскаго строенія въ духѣ народномъ, по волѣ, по общинно-областнымъ челобитнымъ народнымъ, царь Алексѣй Михайловичъ всякія дѣла, великія и малыя—по словамъ Котошихина—по своей мысли учинялъ, какъ хотѣлъ; первый, больше всѣхъ своихъ предшественниковъ, московскихъ государей, сталъ вводить, какъ тогда говорили, иноземскія измѣненія, нѣмецкіе обычаи и поступки, нѣмецкіе чины иночиновны, нѣмцевъ и прочіе языки, яко благодѣтелевъ, принималъ и честію великою почиталъ. Это учиненіе по мысли и волѣ царя Алексѣя Михайловича, безъ совѣта съ земскими думными людьми, вопреки естественно-историческимъ (?), жизненно-народнымъ, изстариннымъ началамъ земскаго строенія,—это учиненіе чиновъ и судовъ и обычаевъ иночиновныхъ, нѣмецкихъ, сильно возмущало земскихъ людей“ [1]). Жалобы народа на новые порядки оставались безъ послѣдствій. „И вотъ, вслѣдствіе разъ-

[1]) *Щаповъ*. Земство и расколъ, стр. 22—23.

единенія, раздѣленія государева и земскаго дѣла, вслѣдствіе нестройности, неладности земскаго устроенья—въ земствѣ произошелъ разладъ и расколъ. Начались народныя движенія, бунты, ознаменовавшіе царствованіе Алексѣя Михайловича и почти всю вторую половину XVII столѣтія. Весьма многіе земскіе люди съ этого времени часто государеву указу и повелѣнію учинялись противны и, преступая его крестное государево цѣлованіе, про него, великаго государя, износили непристойныя рѣчи, чего и помыслить страшно, и его государевъ указъ ни въ чемъ не слушали... А тамъ, далѣе, уже глухо слышалось страшное слово: „Антихристъ [1])! Первые бунты недовольнаго земства были подавлены, но народное недовольство находитъ себѣ новый путь, новый способъ выраженія: въ тиши, на московскомъ книгопечатномъ дворѣ возникаетъ первый толкъ, первое согласье раскола. „Никто тогда не думалъ, не гадалъ,—говоритъ Щаповъ—что это будетъ могучая, страшная общинная оппозиція податнаго земства, массы народной противъ всего государственнаго строя—церковнаго и гражданскаго. Никто тогда не думалъ, что этотъ расколъ возникъ для объединенія, для обобщенія всѣхъ бывшихъ дотолѣ и будущихъ разрозненныхъ мѣстно-областныхъ народныхъ движеній въ одно общее *оппозиціонное согласіе недовольнаго земства,* для обобщенія всѣхъ неудовлетворенныхъ челобитенныхъ воплей, желаній, стремленій, недовольствъ, антипатій, протестацій и вѣрованій массы народной въ одну оппозиціонную общинно-согласную, церковно—и—гражданско-народную доктрину, съ подраздѣленіемъ только на разные частные толки и согласія. Тогда многіе недовольны были только тѣмъ, что, напр., Никонъ исправилъ по *греческимъ* церковнымъ книгамъ своеобразныя великорусскія мѣстно-областныя разногласія, особенности въ славяно-русскихъ церковныхъ книгахъ и въ старинныхъ народныхъ религіозныхъ обычаяхъ. Равнымъ образомъ, многіе негодовали на то, что царь Алексѣй Михайловичъ вводитъ въ старинное великорусское земское строеніе—инозе мное, нѣмецкое учиненіе, нѣмецкіе обычаи и чины. Но никто тогда не зналъ, что съ тѣхъ поръ, со времени п. Никона и царя Алексѣя Михайловича,

[1]) Тамъ же, стр. 26.

расколъ будетъ вѣковымъ отрицаньемъ (церкви) грекоcточной, никоніанской и государства, или Имперіи Всероссійской, съ ея иноземскими нѣмецкими чинами и установленіями. Наконецъ, никто тогда не думалъ и не зналъ, что со времени раздѣленія государева и земскаго дѣла расколъ возьметъ на себя земское дѣло продолжать, развивать, по мѣрѣ возможности, помимо государева дѣла, великорусское земское строенье новыхъ общинъ, согласій, сходовъ, совѣтовъ, соборовъ, по изстариннымъ своенароднымъ началамъ, путемъ новой колонизаціи, путемъ новой религіозной пропаганды“ [1]). „Расколъ все недовольство народное, все горе злочастье, всѣ элементы бунтовъ народныхъ возвелъ въ вѣковой народный заговоръ, въ согласья, въ доктрину. Духъ Стеньки Разина, духъ стрѣльцовъ воплотился въ живую, неумирающую, вѣковую оппозицію раскола“ [2]). Взглядъ Щапова, явившійся весьма кстати въ эпоху правительственныхъ мѣропріятій и литературныхъ толковъ относительно земства, нашелъ себѣ не мало сторонниковъ среди свѣтскихъ писателей о расколѣ и доведенъ до крайности Андреевымъ въ его вышеназванномъ изслѣдованіи. По мнѣнію г. Андреева, религіозная сторона въ расколѣ не имѣла самостоятельнаго значенія съ самаго начала и тѣмъ болѣе не имѣетъ его впослѣдствіи: религіозное разномысліе и церковно-обрядовыя особенности— это, какъ замѣчено выше, только внѣшній предлогъ, только болѣе понятный для толпы лозунгъ земскаго, народнаго протеста. „Окончательное объединеніе Россіи въ гражданскомъ и церковно-административномъ отношеніяхъ, неладившее съ мѣстными особенностями и порядками, еще сильно державшимися на окраинахъ государства и въ особенности на новгородскомъ сѣверѣ, вмѣстѣ съ полною отмѣною земскихъ правъ, завершенною окончательнымъ закрѣпощеніемъ крестьянъ,—вотъ гдѣ надобно видѣть источникъ раскола“ [3]). До тѣхъ поръ, пока различныя русскія „земли“—области сохраняли свою самостоятельность, между ними могла существовать, не вызывая противодѣйствія, нѣкоторая розпь, особность въ различныхъ сторонахъ народнаго быта, и въ частности въ области религіозно-

[1]) Тамъ же, стр. 28—30.
[2]) Тамъ же, стр. 58.
[3]) *Андреевъ*, цит. соч., стр. 10.

церковной. Утвержденіе единодержавія, вмѣстѣ съ развитіемъ централизаціи, имѣло своимъ естественнымъ слѣдствіемъ пробужденіе въ государственной власти стремленія подвести бытовыя условія народа подъ однаковыя формы. „Что прежде было *особенностью,* то теперь становилось *отступленіемъ отъ нормы,* выдѣленіемъ изъ общаго правила. *Мѣстное отличіе теперь мало по малу превращается въ расколъ.* Разподержавіе допускало разномысліе по церковнымъ и гражданскимъ вопросамъ, единодержавіе вводило единеніе и однообразіе, и мѣстная особенность, если она не уступала выработаннымъ въ правительственномъ центрѣ формуламъ, дѣлалась уклоненіемъ отъ нихъ, расколомъ“ [1]). Итакъ, расколъ въ своемъ происхожденіи есть не религіозный, а земскій протестъ,—защита мѣстныхъ, областныхъ правъ и преданій противъ централизаціонныхъ стремленій московской власти. Въ своемъ историческомъ развитіи расколъ, по взгляду г. Андреева, борется не за старину, а противъ способа введенія новыхъ порядковъ безъ спроса земства, при чемъ, какъ протестъ, онъ въ разное время принимаетъ различный характеръ, обусловливаемый каждый разъ слабыми сторонами въ порядкѣ государственнаго управленія [2]). Къ этой же группѣ изслѣдователей русскаго раскола принадлежатъ г. Юзовъ (Русскіе диссиденты.—Старовѣры и духовные христіане. СПБ. 1881), Пругавинъ (Значеніе сектантства въ русской народной жизни. Русск. Мысль 1881, кн. 1, стр. 301—363), Харламовъ (Причины появленія раскола. Страна, 1880, № 53). При нѣкоторомъ различіи въ подробностяхъ общее у всѣхъ названныхъ изслѣдователей этой группы—то, что расколъ понимается, какъ явленіе не столько религіозной, сколько соціальной

---

[1]) Тамъ же, стр. 7.

[2]) Такъ, въ начальную эпоху своего существованія, въ эпоху религіозныхъ гоненій расколъ является съ церковнымъ оттѣнкомъ; при Петрѣ I политическихъ гоненіяхъ—съ оттѣнкомъ политическимъ; при Екатеринѣ II, по прекращеніи гоненій, но при ненормальномъ соціальномъ положеніи народа и благодаря остающемуся крѣпостному праву, расколъ принимаетъ оттѣнокъ соціально-экономическій. Так. образ., въ исторіи раскола выдѣляются три періода, изъ которыхъ въ первомъ онъ имѣетъ форму церковнаго протеста, во второмъ—форму политической партіи и въ третьемъ—форму экономической, промышленной и торговой общины. (*Андреевъ*, цит. соч., стр. V—VI).

жизни русскаго народа,—какъ протестъ земства, народныхъ массъ противъ государственной власти въ защиту своей самобытности и своихъ правъ.

Нельзя, конечно, отрицать того, что уже въ очень раннюю пору исторіи старообрядческаго раскола—въ эпоху стрѣлецкихъ бунтовъ и петровскихъ преобразованій религіозный протестъ въ немъ весьма тѣсно переплетается съ протестомъ политическимъ и соціальнымъ, и расколъ заявляетъ себя борьбою не только съ православною церковію, но и съ ставшимъ на ея сторону государствомъ. Это, однако, вовсе еще не даетъ права утверждать, что все содержаніе раскола исчерпывается соціальной борьбой, и что религіозная сторона не имѣетъ въ немъ самостоятельнаго значенія, а является только прикрытіемъ политической и соціальной борьбы. Прежде всего, довольно трудно понять, для чего могла бы понадобиться такая маскировка и какія преимущества для земскаго и соціальнаго протеста могли происходить оттого, что онъ ставилъ себя подъ знамя сугубой аллилуіи и подводилъ подъ тяжесть церковной анаѳемы. Общія фразы относительно большей понятности церковно-обрядовыхъ предписаній, какъ „лозунга“ народнаго протеста, въ настоящемъ случаѣ весьма мало разъясняютъ дѣло и не устраняютъ возникающихъ недоумѣній [1]). Затѣмъ—и это самое главное—какъ ни рано заявляетъ себя въ расколѣ политическій и соціальный элементъ, онъ все-таки есть явленіе не изначальное, а ужь дальнѣйшее осложненіе. Достаточно просмотрѣть сочиненія первыхъ расколоучителей—Аввакума, Ѳедора, Никиты и др., чтобы убѣдиться, что въ основѣ старообрядческаго движенія на первыхъ порахъ лежитъ исключительно религіозно-церковный интересъ. А если догматико-полемическіе трактаты и посланія

---

[1]) Г. Андреевъ въ своей книгѣ даетъ еще и такое разъясненіе: „Едвали можно сомнѣваться,—говоритъ онъ—что политическій расколъ, расколъ земскій долженъ былъ принять въ Россіи характеръ преимущественно религіозный при томъ важномъ значеніи, какое имѣетъ церковь въ жизни русскаго человѣка“ (цит. соч. стр. 77). Но религіозный характеръ протеста, *необходимо* обусловленный свойствами русскаго народа и его жизни, есть уже нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ произвольная маскировка политическаго протеста „второстепенными подробностями религіознаго догматизма и церковной обрядности“.

первыхъ вождей раскола могутъ быть сочтены за выраженіе только единоличныхъ мнѣній, то этого ужь никакъ нельзя сказать о сочиненіяхъ коллективнаго характера—челобитныхъ, которыя служатъ выраженіемъ общихъ нуждъ, интересовъ и желаній раскольниковъ. Общее содержаніе всѣхъ этихъ челобитныхъ и т. под. сочиненій таково: до Никона на Руси православіе было чисто и непорочно и церковь немятежна; Никонъ исказилъ вѣру и законы церковные, внесъ многія ереси въ новопечатныя книги; православнымъ не должно слушаться его новыхъ ученій; нужно отвергнуть еретическія новшества и сохранить древле-преданное отцами благочестіе чисто и неповрежденно, и т. д. Протестъ, такимъ образомъ, заявляется исключительно противъ церковныхъ мѣропріятій въ области богослужебнаго обряда [1]) и идетъ преимущественно отъ духовенства бѣлаго и чернаго, т. е. отъ такихъ лицъ, для которыхъ чистоземскіе интересы были дѣломъ довольно посторонпимъ; въ движеніи принимаютъ также дѣятельное участіе женщины, стоявшія въ то время гораздо дальше, чѣмъ въ наше время, отъ земскихъ и политическихъ дѣлъ. Наконецъ, противъ пониманія раскола, въ первое время его существованія, какъ протеста противъ *государственной* власти, самымъ рѣшительнымъ образомъ говоритъ то, что именно къ государственной власти, къ царю Алексѣю Михайловичу обращаются первые расколоучители за содѣйствіемъ—съ жалобами на п. Никона и съ просьбами о его удаленіи [2]). Даже и послѣ

[1]) Самъ г. Андреевъ въ одномъ мѣстѣ своей книги (стр. 119) отмѣчаетъ такую особенность раскола на сѣверѣ и въ Москвѣ: „Въ новгородскомъ поморьѣ церковныя перемѣны были скорѣе только предлогомъ, чтобы уклониться отъ церкви, и религіозные вопросы служили нерѣдко лишь завѣсою политической оппозиціи. *Въ Москвѣ въ религіозномъ преніи многіе видѣли суть дѣла;* уклонялись отъ церкви и ея духовныхъ властей, потому что *боялись за свои души*, были увѣрены, что не наслѣдуютъ царствія Божія, если примутъ еретическія нововведенія". Итакъ, прежнее общее утвержденіе нашего автора утрачиваетъ здѣсь свой рѣшительный характеръ. Если же при этомъ обратить вниманіе на то, что именно на Москвѣ, а не въ новогородскомъ поморьи впервые появился расколъ, то необходимость искать его сущности и причинъ въ условіяхъ религіозной жизни русскаго народа, а не политической, даже съ точки зрѣнія нашего автора станетъ вполнѣ очевидна.

[2]) См. напр. „Всенародное прошеніе къ царю" (Матер. VII, 44—53) и мн. др.

того, какъ государственная власть рѣшительно и открыто стала на сторону исправленій и начала подвергать защитниковъ этихъ исправленій различнымъ преслѣдованіямъ, раскольники не сразу возстаютъ противъ этой преслѣдующей ихъ власти. „Елико ты насъ оскорбляешь больши, и мучишь и томишь, толико мы тебя больше любимъ, царя, и Бога молимъ до смерти твоей и своей о тебѣ и всѣхъ кляпущихъ насъ: спаси, Господи, и обрати къ истинѣ своей“—писалъ Аввакумъ царю Алексѣю Михайловичу [1]). Заслуживаетъ вниманія слѣдующее мѣсто изъ челобитной соловецкихъ старцевъ, ярко обрисовывающее характеръ отношеній раскола, въ первое время его существованія, къ государственной власти и вмѣстѣ съ тѣмъ показывающее, что̀ собственно хотѣли защитить раскольники: „Молимъ твою, великаго государя, благочестивую державу и плачемся вси со слезами,—писали старцы—помилуй насъ, нищихъ своихъ богомольцевъ и сиротъ, не вели, государь, у насъ преданія и чину преподобныхъ отецъ Зосимы и Саватія перемѣнить, повели, государь, намъ быти въ той же нашей самой вѣрѣ, въ которой отецъ твой государевъ и вси благовѣрные цари и великіе князи и отцы наши скончались, и преподобные отцы Зосима, и Саватей, и Германъ, и Филиппъ митрополитъ и вси святіи отцы угодили Богу. Аще ли ты, великій государь нашъ, помазанникъ Божій, намъ въ прежней, святыми отцы преданнѣй, въ старой вѣрѣ быти по благоволишь, и книги перемѣнити изволишь, милости у тебя государя просимъ: помилуй насъ, не вели, государь, больши того къ намъ учителей присылать напрасно, понеже отнюдь не будемъ прежней своей православной вѣры перемѣнить, и вели, государь, на насъ свой мечъ прислать царьской, и отъ сего мятежнаго житія преселити насъ на оное безмятежное и вѣчное житіе; *а мы тебѣ, великому государю, не противны*; ей, государь, отъ всея души у тебя, великаго государя, милости о семъ просимъ и вси съ покаяніемъ и съ воспріятіемъ на себя великаго ангельскаго чину на той смертный часъ готовы“ [2]). Такъ, очевидно,

---

[1]) Матеріалы для ист. раск., т. V, стр. 148.
[2]) Матер. т. III, стр. 210—211.

могутъ писать только люди крѣпко преданные религіознымъ преданіямъ, если угодно—фанатики стараго церковнаго обряда, но во всякомъ случаѣ не государственные мятежники, поднимающіе знамя возстанія противъ царской власти, хотя бы и подъ прикрытіемъ религіозныхъ интересовъ.—Если же, такимъ образомъ, расколъ старообрядства въ эпоху своего возникновенія и въ первое время своего существованія представляетъ исключительно религіозно-церковное движеніе, желающее при томъ же стать подъ защиту государственной власти, то видѣть его сущность въ земскомъ протестѣ противъ государства, а его причину—въ явленіяхъ политической и соціальной жизни русскаго народа значитъ возставать противъ очевидности и выдавать послѣдующее и случайное за первоначальное и существенное [1]).

Итакъ, дѣло книжныхъ и обрядовыхъ исправленій нельзя признать ни самодовлѣющей причиной старообрядческаго раскола, ни случайнымъ внѣшнимъ предлогомъ, скрывавшимъ за собою другія, болѣе глубокія, но не религіозныя, а земскія и политическія причины протеста. Гдѣ же и въ чемъ заключается дѣйствительная основа раскола? Что побудило русскихъ людей разнаго чина и званія выступить съ рѣши-

---

[1]) Справедливость требуетъ, впрочемъ, признать, что первоначальный расколъ былъ чуждъ соціально-демократическаго, противо-государственнаго элемента собственно какъ доктрина, какъ ученіе; но если смотрѣть на расколъ, какъ на партію людей, то въ ней съ самаго начала развивается недовольство свѣтскою властью, ставшею на сторону исправленій. „Кто бы могъ рещи таковыя хульныя глаголы на (древне-русскихъ) святыхъ, аще бы не твоя держава попустила тому быти?“—жаловался Аввакумъ царю Алексѣю Михайловичу по поводу отзывовъ „никоніанъ“ о древнерусскомъ благочестіи (Матер. для ист. раск., т. V, стр. 144). Первоначально раскольники надѣялись, что государственная власть станетъ на ихъ сторону въ борьбѣ противъ исправленій; обманутыя ожиданія естественно порождали недовольство государственною властію, а послѣдующія событія послужили еще новыми причинами такого недовольства. Потерявши послѣднюю опору своихъ надеждъ и убѣдившись, что свѣтская власть всецѣло стала на сторону преобразованій, раскольники начинаютъ и въ ней видѣть причину непрекращающихся *церковныхъ* нестроеній; „иного отступленія—говорили они—уже не будетъ: вездѣ бо бысть послѣдняя Русь: здѣ бо и отъ сего часа на горшая происходити будетъ *царьми неблагочестивыми*“. Но очевидно, что причины недовольства даже свѣтскою властію были не земско-соціальныя, а церковно-религіозныя.

тельною оппозиціею противъ исправленій, предпринятыхъ Никономъ, и начать роковую борьбу противъ него за неизмѣнность существующихъ церковныхъ обрядовъ и книгъ?— Чтобы правильно отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо пристальнѣе всмотрѣться въ основные интересы духовной жизни русскаго народа наканунѣ и въ эпоху появленія раскола.

XVII вѣкъ представляетъ одну изъ самыхъ интересныхъ и многознаменательныхъ эпохъ въ исторіи русскаго самосознанія. Это была—можно сказать — эпоха историческаго *перелома*, безъ сомнѣнія — благодѣтельнаго для дальнѣйшаго развитія русской жизни, но, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣзкаго въ нѣкоторыхъ сторонахъ и потому сопровождавшагося болѣзненными явленіями въ жизни народнаго организма. Къ числу такихъ болѣзненныхъ явленій нужно отнести и расколъ старообрядства, который возникъ изъ борьбы двухъ противоположныхъ направленій русской мысли и жизни, какъ результатъ начавшейся въ XVII в. слишкомъ крутой и не совсѣмъ осторожной ломки старорусскихъ идеаловъ, старорусскаго церковнаго уклада и передѣлки послѣдняго на иноземный ладъ.— Нижеслѣдующія замѣчанія имѣютъ цѣлью разъяснить, о какихъ противоположныхъ направленіяхъ русской мысли и жизни идетъ у насъ рѣчь и какимъ образомъ изъ столкновенія этихъ направленій могъ возникнуть старообрядческій расколъ.

Политическіе успѣхи Москвы въ борьбѣ съ татарами и собирательная политика московскихъ князей, превращавшаяся, благодаря той же борьбѣ, изъ династической въ народную, имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что къ концу XV и началу XVI в. исчезла независимость отдѣльныхъ сѣверно-русскихъ земель и княжествъ, и на мѣсто ряда самостоятельныхъ политическихъ единицъ сложилось и выросло единое Московское государство. Ходъ историческихъ событій выводилъ объединенную Русь изъ ея прежней замкнутости, изъ круга своихъ домашнихъ, междукняжескихъ интересовъ на путь международныхъ сношеній съ Западомъ, ставилъ въ непосредственныя, болѣе живыя и тѣсныя, чѣмъ прежде, отношенія къ ея политическимъ сосѣдямъ. Столкновеніе съ чужеземнымъ укладомъ жизни, отмѣченнымъ болѣе высокою степенью культурности, невольно должно было наводить русскаго человѣка на сопоставленіе

своего съ чужеземнымъ, а за сопоставленіемъ такъ же неизбѣжно должна была послѣдовать рано или поздно критика своего и (во многихъ случаяхъ) предпочтеніе своему чужого, западно-европейскаго. Какъ ни сильно было на Руси воспитанное греками нерасположеніе ко всему „латынскому“ (о чемъ у насъ будетъ рѣчь ниже), тѣмъ не менѣе преимущества западно-европейской жизни во многихъ отношеніяхъ были такъ несомнѣнны, а потребности, возбужденныя у русскихъ людей знакомствомъ съ этою жизнію, заявляли себя такъ настойчиво, что у самого русскаго правительства возникаетъ желаніе сблизиться съ чужеземцами и поучиться у нихъ тому, чего не доставало намъ, исправить недочеты своей жизни по ихъ образцу. И вотъ, начиная со времени княженія Ивана III, постепенно возрастая и получая все болѣе широкіе размѣры, идутъ попытки установить правильныя сношенія съ Западомъ и пересадить на русскую почву нѣкоторые плоды западной культуры. „Окно въ Европу“, и при томъ довольно большое, было прорублено еще задолго до Петра В., при которомъ Русь широко и гостепріимно распахнула ужъ всѣ двери иностранцамъ,—и хлынуло въ эти двери, на ряду съ хорошимъ и полезнымъ, многое излишнее — нехорошее, неполезное и ненужное...

Въ то время, на которомъ теперь сосредоточено наше вниманіе (т. е. около половины XVII в.), преобразовательныя стремленія еще не заходили такъ далеко, какъ это стало при Петрѣ. Однако сближеніе съ Западомъ и знакомство съ западной культурой обнаружилось уже довольно ясно заимствованіемъ оттуда многихъ бытовыхъ подробностей, незнакомыхъ древне-русской жизни. Въ большомъ количествѣ являются на Руси иностранные „мастера“ разныхъ спеціальностей и даютъ возможность желающимъ устроить внѣшнюю обстановку жизни на иноземный ладъ; русскіе бояре охотно перенимаютъ „иноземскіе извычаи“, и самъ благочестивѣйшій царь Алексѣй Михайловичъ не прочь по временамъ въ своемъ собственномъ дворцѣ посмотрѣть на театральныя зрѣлища, устрояемыя иностранными мастерами „комедійнаго дѣла“ [1])...

---

[1]) *Соловьевъ С. М.* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XI,—

Наиболѣе важною и свѣтлою стороною этого стремленія къ сближенію съ Западомъ было, конечно, пробужденіе интереса къ его умственной жизни, къ западно-европейской наукѣ. Въ XVI вѣкѣ русское правительство уже посылаетъ по временамъ молодыхъ людей за границу для полученія образованія, а относительно царя Бориса сохранилось извѣстіе, что онъ хотѣлъ даже основать на Москвѣ университетъ по образцу западно-европейскихъ [1]). Мысль Бориса не была выполнена, а русскіе люди, попадавшіе за границу, обыкновенно не возвращались на родину: говорятъ, одни изъ нихъ спивались, попавши на чужбину и ошеломленные блескомъ западно-европейской жизни, а другіе, получивши образованіе на Западѣ, уже не хотѣли возвращаться въ свою малокультурную отчизну. Не смотря на эти неудачи, русское правительство не оставляло мысли о переселеніи къ намъ плодовъ западно-европейской науки, если не чрезъ посредство русскихъ людей, получающихъ образованіе за границей, то при посредствѣ иностранцевъ, приходящихъ на Русь и принимаемыхъ на русскую службу. На ряду съ другими иноземными „мастерами“ оно приглашаетъ изъ-за границы ученыхъ людей (въ особенности врачей и звѣздочетовъ [2]),—и русскій государь какъ будто об-

---

по послѣдн. изд. (т-ва „Обществ. Польза“) кн. 3, ст. 197—198; XIII,—кн. 3, ст. 758—760. Нѣкоторыя свѣдѣнія относительно сказаннаго здѣсь можно найти также въ книгѣ г. *И. Соколова*—Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII в., стр. 204—205, и у *Щапова*—Русск. раск. старообрядства, стр. 94—103.

[1]) *Соловьевъ С.* Исторія Россіи, т. VIII,—по указ. изд. кн. 2-я, ст. 724—725; *Щаповъ*, цит. соч., стр. 98.

[2]) Такъ, англичанинъ Елисей Бомелій былъ врачемъ и совѣтникомъ царя Ивана Грознаго; при томъ же царѣ былъ Николай Нѣмчинъ—„прелестникъ и звѣздочетъ“, котораго обличалъ въ своихъ писаніяхъ пр. Максимъ Грекъ. Особенною склонностью къ звѣздочетамъ и ихъ астрологической мудрости отличался царь Алексѣй Михайловичъ, который, узнавши относительно извѣстнаго Олеарія, что онъ „гораздо наученъ и навыченъ астрологіи, и географусъ, и небесному бѣгу, и землемѣрію, и инымъ многимъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ“, приглашалъ его къ себѣ на службу, говоря, что ему—великому государю—такіе люди надобны. Олеарій не согласился поступить на службу къ московскому царю; но для занятія выгодной должности придворныхъ звѣздочетовъ нашлись другіе охотники. „Царю благородный! — обличалъ Алексѣя Михайловича извѣстный расколоучитель,

наруживаетъ стремленіе окружить себя придворнымъ штатомъ ученыхъ, какъ прежде окружалъ себя шутами и карликами...

Общее просвѣтительно-преобразовательное движеніе, ясно выразившееся въ другихъ сторонахъ русской жизни, отразилось соотвѣтствующимъ образомъ и въ жизни церковно-религіозной. Прежнее духовное образованіе, имѣвшее характеръ, правда, весьма обширной, но безпорядочной начитанности, перестаетъ удовлетворять русскихъ людей, и является мысль о необходимости правильнаго школьнаго ученія. Образцомъ для подражанія и источникомъ просвѣщенія и на этотъ разъ является тотъ же Западъ,—только ужъ не непосредственно, а при посредствѣ южно-русскихъ ученыхъ, которые обыкновенно получали образованіе въ западныхъ, латинскихъ школахъ и слѣд. не уступали въ этомъ отношеніи западнымъ ученымъ, но имѣли предъ ними то существенное для московской Руси преимущество, что соединяли съ ученостью православіе. Въ чистотѣ этого православія какъ духовная, такъ и свѣтская власть считала, впрочемъ, не излишнимъ точнѣе удостовѣриться въ отдѣльныхъ случаяхъ путемъ нарочитаго испытанія [1]).

Вліяніе южной Руси на Русь московскую въ области церковной письменности и богослужебнаго обряда началось еще въ первыхъ годахъ XVII в. и шло сперва книжнымъ путемъ, чрезъ посредство южно-русскихъ изданій [2]). Но

попъ Лазарь: како времени сего не испытуеши? Имѣеши у себя мудрыхъ философовъ, разсуждающихъ лице небеси и земли, и *у звѣздъ хвости аршиномъ измѣряющихъ*... И ты, государь, таковыхъ честныхъ имаши, и различными брашны питаеши, и благовонными питіями напояеши и хощеши внѣшними ихъ плетухами власть свою мирну управити!“ (Матер. для ист. раск., т. I, стр. 252). Разумѣется, эти придворные звѣздочеты были не русскаго происхожденія.

[1]) См. *И. Ѳ. Каптерева*.—Патріархъ Никонъ, какъ церковный реформаторъ, и его противники. Прав. Обозр. 1887 г., № 1, стр. 148.

[2]) Уже съ конца XVI в. въ разныхъ мѣстахъ юго-западной Руси при православныхъ церковныхъ братствахъ выдѣляются ученые старцы, знатоки греческаго языка, которые взяли на себя трудъ перевода и исправленія богослужебныхъ книгъ по греческимъ образцамъ. Труды ихъ, благодаря изданію ихъ въ печати въ мѣстныхъ типографіяхъ, весьма рано проникали въ восточную Россію и здѣсь, за недостаткомъ своихъ печатныхъ церковныхъ книгъ, настолько широко распространились, что при п. Филаретѣ

около половины XVII в., вмѣстѣ съ усиленіемъ правительственныхъ заботъ о книжной справѣ, возникаетъ мысль о необходимости заведенія въ Москвѣ школъ на подобіе южнорусскихъ, — и результатомъ этого было приглашеніе изъ Кіева ученыхъ старцевъ для наученія русскихъ людей и для участія въ дѣлѣ книжнаго исправленія.

Появленіе на Москвѣ южно-русскихъ ученыхъ было весьма важнымъ событіемъ въ исторіи того церковно-преобразовательнаго движенія, которое обнаружилось въ московской Руси XVII в. и такъ тѣсно связано съ возникновеніемъ раскола. Люди совершенно новые и посторонніе, никакими личными симпатіями не связанные съ традиціонными взглядами и преданіями московской Руси, они вполнѣ свободно могли критически отнестись къ ея церковнымъ порядкамъ и, какъ люди чужіе, естественно склонны были посмотрѣть иногда даже съ излишнимъ, преувеличеннымъ расположеніемъ на непривычныя для нихъ мѣстныя церковно-обрядовыя особенности. Послѣднія не имѣли въ ихъ глазахъ священнаго авторитета родной старины,—и гордымъ своею образованностію южно-руссамъ ничего не стоило объявить ихъ невѣжественными ошибками или даже еретическими искаженіями.—Если, какъ мы видѣли, московскіе люди и ранѣе были не чужды сознанія необходимости книжныхъ и обрядовыхъ исправленій, то теперь, подъ вліяніемъ южнорусскихъ ученыхъ, это сознаніе должно было заявить себя еще рѣшительнѣе. Но теперь, благодаря тому же вліянію, самое дѣло исправленія должно было получить иную постановку, совершиться на иныхъ началахъ.

Московскій книжный справщикъ предшествующаго времени, сознавая неисправность современныхъ богослужеб-

---

пришлось сдерживать ихъ распространеніе и устанавливать контроль надъ ними (*Каптеревъ*, указ. ст., стр. 147—150). Несмотря, однако, на строгіе указы Филарета, южно-русскія книги оказали свое вліяніе на московскую печатную справу и по частямъ стали перепечатываться въ Москвѣ. Вліяніе южной Руси не слабѣетъ здѣсь и при п. Іосифѣ, поддерживается при дворѣ государя и выражается въ перенятіи московскимъ печатнымъ дворомъ многихъ западно-русскихъ и южно-русскихъ книгъ, напр. Кн. Кирилловой, Кн. о вѣрѣ и др. (*Каптеревъ*, тамъ же, стр. 154—161; *Николаевскій*, Моск. печатн. дворъ при п. Никонѣ,—„Хр. Чт.“ 1891 г., янв.—февр., стр. 157).

ныхъ книгъ и обрядовъ, видѣлъ въ этой неисправности отклоненіе отъ первоначальной чистоты древле-русскаго православія, принятаго отъ грекъ при св. князѣ Владимірѣ. Его идеалъ благовѣрія и церковнаго благочинія рисовался ему въ его родномъ прошломъ,—и онъ искалъ отвѣта на возникшее сомнѣніе, исправленія замѣченной ошибки—въ славяно-русскихъ „старинныхъ добрыхъ переводахъ“ или въ греческихъ подлинникахъ, дошедшихъ отъ того времени, когда не было поводовъ заподозрить чистоту греческаго православія. Въ отношеніи къ позднѣйшимъ грекамъ такихъ поводовъ у московскаго книжника XV—XVII в. было достаточно... *Современная* греческая вѣра, близко дружившая съ латинствомъ, представлялась ему сомнительною [1]); современная греческая книга, вышедшая изъ латинской типографіи, не имѣла въ его глазахъ никакого авторитета [2]).

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано ниже.

[2]) Такой взглядъ на греческія печатныя книги высказывали еще филаретовскіе справщики въ своихъ преніяхъ съ Лаврентіемъ Зизаніемъ по поводу его Катихизиса (*Николаевскій*, цит. ст. въ Хр. чт. 1891, янв.—фев., стр. 161). Позднѣе Иванъ Насѣдка въ своемъ „Списаніи обличительномъ на королевичева нѣмчина Матвѣя“ высказываетъ то же самое предубѣжденіе противъ печатныхъ греческихъ книгъ на томъ основаніи, что онѣ перепорчены латинами. По его словамъ, при взятіи Константинополя „латыни о томъ все упражнялися, чтобы книги греческіе добывати, и сыскивая ихъ, да посылали въ Римъ къ папамъ и цесарю, и ихъ повелѣніемъ переводили ихъ грамотники, такіе же еретики, и что въ греческихъ книгахъ обрѣтали на себя, обличительные статьи и всякіе рѣчи, что къ ихъ грамотѣ о вѣрѣ, и тѣ всѣ рѣчи и дѣла переписывали и исправляли по своей ереси, и какъ имъ надобно быть у нихъ, и велѣли тѣ книги лживые на соблазнъ печатати греческимъ языкомъ, а не латынскимъ, а прямые книги, греческіе переводы, велѣли втайнѣ пережечь, а лживые тѣ книги во всю Европу велѣли продавать и всѣхъ людей на западѣ тѣмъ прелестили даже и до днесь, да и нынѣ тѣмъ же прелщаютъ многіе языки, что въ Виницеѣ у нихъ книги всегда печатаютъ и греческимъ языкомъ и инѣми языки“. (Памятники преній о вѣрѣ, возникшихъ по дѣлу королевича Вальдемара, собр. *А. Голубцовымъ*, стр. 337. М. 1892). Взглядъ этотъ поддерживали въ русскихъ людяхъ сами же греки, жаловавшіеся на то, что паписты и лютеране, заведя у себя греческія типографіи, печатаютъ въ нихъ греческія книги — и вносятъ свою злую ересь (см. челобитн. бывшаго въ 1645 г. въ Москвѣ посла п. константинопольскаго, палеопатрасскаго митрополита Θеофана, напечат. сполна въ ст. *Каптерева* — „Слѣдств. дѣло объ Арсеніѣ Грекѣ“, Чт. въ О. Л. Д. Пр. 1881, іюль, стр. 74—77, ср. *его-же*—„Характеръ отношеній Россіи къ православ. востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ“, стр. 299—300, ошиб.

Не такъ смотрѣлъ на дѣло южно-русскій ученый. Самъ прошедшій латинскую школу и можетъ быть даже не отказавшійся на время олатыниться ради окончанія образованія [1]), онъ не видѣлъ особенной бѣды въ томъ, что греки дружатъ съ латинами и что греческія богослужебныя книги печатаются въ латинскихъ типографіяхъ. Его собственные, южно-русскіе церковные обряды, въ силу болѣе постоянныхъ и продолжительныхъ церковно-административныхъ связей южной Руси съ Константинополемъ, были гораздо ближе къ обрядамъ греческимъ, чѣмъ къ тѣмъ, какіе употреблялись въ московской Руси, — и онъ дѣлалъ отсюда тотъ естественный для него выводъ, что греки въ бо̀льшей чистотѣ и неизмѣнности сохранили церковно-богослужебные чины и обряды, чѣмъ Русь московская. Для него, такимъ образомъ, не могло быть сомнѣнія въ томъ, что современные греки по прежнему могутъ и должны быть для русскихъ авторитетомъ и образцомъ въ вопросѣ о церковныхъ чинахъ и обрядахъ [2]). Взглядъ южно-русскихъ ученыхъ

вм. 399—400). Первые расколоучители, возражая противъ того исправленія русскихъ богослужебныхъ книгъ, какое было предпринято при Никонѣ, только повторяли эти широко распространенные и самими греками подтвержденные толки о порчѣ печатныхъ греческихъ книгъ латинянами (см. Матер. для ист. раскола т. III, стр. 258—259; т. VI, стр. 41—42 и др.).

[1]) *Каптеревъ П. Ѳ.*, Характеръ отношеній..., стр. 297—8.

[2]) Взглядъ южно-русскихъ ученыхъ на современное греческое православіе выразился въ произведеніяхъ ихъ письменности, перешедшихъ и въ Русь московскую. „Книга о вѣрѣ“, напр., категорически утверждала, что греки неизмѣнно сохранили благочестіе, не смотря на всѣ постигшія ихъ политическія невзгоды, и что русскимъ слѣдуетъ по прежнему во всемъ слушаться восточныхъ патріарховъ. Она опровергаетъ мнѣніе, будто православіе пало на востокѣ отъ турецкаго насилія. Отъ начала міра церковь претерпѣваетъ гоненія, но ея никогда не одолѣютъ ни врата адовы, ни турецкая неволя. Сколько было мучителей и еретиковъ, которые воевали церковь, но никто изъ нихъ не одолѣлъ ея: сами они погибли, а церковь осталась въ цѣлости. Какъ евреи въ египетской работѣ не отпали отъ вѣры, какъ первые христіане въ триста лѣтъ тяжкихъ гоненій не утратили ея, такъ и въ нынѣшнее время христіане соблюдаютъ православную вѣру въ неволѣ турецкой: „ничего же бо турцы отъ вѣры и отъ церковныхъ чиновъ отъимаютъ, точію дань грошовую; а о дѣлахъ духовныхъ и о благоговѣинствѣ ни мало належатъ и не вступаютъ въ то“. Книга опровергаетъ и то мнѣніе, будто флорентійская унія повредила чистотѣ древняго греческаго православія: во Флоренціи былъ не соборъ, а простой „съѣздъ“ гре-

былъ усвоенъ на Москвѣ цѣлымъ кружкомъ лицъ, составившимся въ послѣдніе годы патріаршества Іосифа [1]), и

ковъ съ „латинниками“, и во всякомъ случаѣ унія между тѣми и другими не была заключена. Греки и послѣ флорентійскаго собора сохранили ту же вѣру, и мы должны ихъ слушаться: „русійскому народу патріарха вселенскаго, архіепископа константинопольскаго, слушати и ему подлежати и повиноватися въ дѣйствахъ и въ наукѣ духовной есть польза и пріобрѣтеніе веліе спасительное и вѣчное“.—Ср. ст. *А. Н. Пыпина*—„Исправленіе книгъ и начало раскола“ въ Вѣстн. Европы 1894 г., сент., стр. 302; подробнѣе у *Бѣлокурова С.*, Арсеній Сухановъ, ч. I, стр. 173—177.

[1]) Проф. *Е. Е. Голубинскій*, Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами (Бог. Вѣстн. 1892, февр., стр.. 283).—Въ числѣ членовъ этого кружка, по видимому, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ принадлежало царскому духовнику, прот. Стефану Вонифатьеву. Къ концу патріаршества Іосифа члены этого кружка чувствовали себя настолько сильными, что не боялись открыто заявлять свое недовольство патріархомъ и порицать его и неустройства современной церкви русской, при чемъ эти недовольства и порицанія заявлялись, какъ видно, не безъ вѣдома самого молодого государя, Алексѣя Михайловича. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчательный фактъ представляетъ челобитная, представленная 11 февраля 1649 г. Стефаномъ Вонифатьевымъ на собраніи высшаго русскаго духовенства, въ которой онъ—какъ нужно думать—жестоко понося патріарха и прочее духовенство, указывалъ недостатки современной русской церкви и необходимость ихъ исправленія (см. пр. *Николаевскаго*—цит. ст. въ Хр. Чт. 1891 г., янв.—февр. стр. 165). Если принять во вниманіе, что это было спустя менѣе двухъ недѣль по пріѣздѣ въ Москву греческаго (іерусалимскаго) патріарха Паисія—какъ извѣстно изъ другихъ источниковъ, „зазиравшаго“ Никону и другимъ по поводу русскихъ богослужебно-обрядовыхъ разностей,—то для насъ станетъ понятенъ какъ ближайшій поводъ челобитной Вонифатьева, такъ и то направленіе, въ какомъ должны были производиться церковныя исправленія по взгляду царскаго духовника и его единомышленниковъ. Другимъ документомъ, еще болѣе рѣшительно подтверждающимъ существованіе въ послѣдніе годы патріаршества Іосифа сильной партіи недовольныхъ патріархомъ и современнымъ состояніемъ русской церкви, является письмо царя Алексѣя Михайловича къ митрополиту Никону по поводу смерти патріарха. Изъ этого письма видно, что въ послѣднее время своей жизни Іосифъ чувствовалъ себя весьма не прочно на патріаршемъ престолѣ, живо и больно сознавая существующее недовольство: „перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ“,жаловался онъ и собирался отъ срама добровольно оставить каѳедру. Заслуживаетъ вниманія замѣчаніе, какимъ сопровождаетъ царь свое сообщеніе объ этомъ въ письмѣ къ Никону: „а у меня и отца моего духовнаго, Содѣтель нашъ Творецъ видитъ, ей ни на умѣ того не бывало, и помыслить страшно на такое дѣло; прости, владыко святый, *хотя бы и еретичества держался*, и тутъ мнѣ какъ одному отставить его безъ вашего собору?“ (Напечат. въ прилож. къ соч. *архим. Аполлоса*:

легъ въ основу новаго церковно-обрядоваго исправленія, когда во главѣ русской церкви сталъ одинъ изъ членовъ этого кружка—Никонъ.

Мы не имѣемъ возможности въ настоящемъ случаѣ подробно отановиться на раскрытіи тѣхъ вліяній, благодаря которымъ по происхожденію крестьянскій сынъ и по образованію простой русскій начетчикъ, Никонъ изъ друга и единомышленника лицъ, оставившихъ по себѣ въ исторіи печальную память неумѣренныхъ ревнителей неизмѣнности русскаго церковнаго обряда [1]), сдѣлался ихъ противникомъ по складу убѣжденій и оказался въ состояніи усвоить тотъ необычный въ то время у насъ взглядъ на современныхъ грековъ, какой проводили на Москвѣ южно-русскіе ученые. Каковы бы ни были эти вліянія,—результатомъ ихъ было то, что Никонъ могъ съ полнымъ правомъ сказать о себѣ слова, сохраненныя намъ Павломъ алеппскимъ: „Хотя я русскій и сынъ русскаго, но моя вѣра и убѣжденія—греческія“. Когда прибывшій въ Москву для сбора милостыни въ концѣ января 1649 года іерусалимскій патріархъ Паисій познакомился съ Никономъ, „греческія убѣжденія“ послѣдняго если еще не вполнѣ сложились, то симпатіи его къ грекамъ, безъ сомнѣнія, были уже вполнѣ ясны и опредѣленны. Этимъ только (а не одною житейскою ловкостью Паисія, сразу узнавшаго сильнаго человѣка у царя,—какъ думаютъ нѣкоторые) можно вполнѣ удовлетворительно объяснить себѣ то, что уже 8 февраля, всего лишь черезъ четыре дня послѣ торжественнаго пріема во дворцѣ и въ Успенскомъ соборѣ, Паисій въ письмѣ къ государю говоритъ, что успѣлъ хорошо познакомиться съ Никономъ, и что ему-патріарху—„полюбилась бесѣда“ ново-

---

„Начертаніе житія и дѣяній Никона, п. московскаго и всея Россіи“, стр. 16. М. 1859). Упоминаніе о духовномъ отцѣ невольно приводитъ на память вышеупомянутую челобитную Стефана Вонифатьева и связываетъ опасенія патріарха съ кружкомъ единомышленниковъ царскаго духовника, а не случайно, по нашему мнѣнію, мимоходомъ сказанная фраза: „хотя бы и еретичества держался“ даетъ основаніе видѣть причину недовольства п. Іосифомъ въ тѣхъ церковныхъ „неисправленіяхъ“, борьба противъ которыхъ начинается по смерти престарѣлаго патріарха, при его молодомъ и энергичномъ преемникѣ.

[1]) Матеріалы для исторіи раскола, изд. *И. И. Субботинымъ*, т. I, стр. 150; т. V, стр. 17.

спасскаго архимандрита, почему и просилъ позволенія безпрепятственно видѣться и на досугѣ бесѣдовать съ нимъ [1]). Общее содержаніе этихъ бесѣдъ извѣстно,—и оно подтверждаетъ то же самое: не будь Никонъ въ это время уже склоненъ къ грекамъ и всему греческому, проситель-патріархъ едва ли рѣшился бы въ бесѣдахъ съ нимъ „зазирать“ русскую церковность и превозносить, въ противоположность ей, греческую. Въ бытность свою новгородскимъ митрополитомъ Никонъ успѣлъ и на дѣлѣ обнаружить свое расположеніе къ греческому церковно-богослужебному порядку и наклонность къ измѣненію русской церковной старины [2]). Сдѣлавшись патріархомъ, онъ остался вѣренъ этой своей любви къ грекамъ и поставилъ задачею предпринятаго имъ дѣла исправленія русскихъ богослужебныхъ книгъ и обрядовъ—привести русскую церковь къ полному обрядовому единству съ церковью греческою путемъ передѣлки русскихъ книжныхъ и церковно-обрядовыхъ особенностей по

---

[1]) *Макарій.* Исторія русской церкви, т. XI, стр. 165.

[2]) Что касается перваго, т. е. расположеніе къ греческому церковно-богослужебному порядку, то оно обнаружилось, напр., въ томъ, что Никонъ „повелѣ въ своей соборной церкви *греческое* пѣніе пѣти“ (*Макарій*, Исторія русск. церкви, т. XI, стр. 170). Относительно же наклонности къ измѣненію русской церковной старины мы имѣемъ слѣдующее указаніе: Во время новгородскаго бунта одинъ изъ бунтовщиковъ, Ѳедька Негодяевъ, перебравшись въ Москву, успѣлъ занекать расположеніе бояръ, видѣлъ царскія очи, былъ у руки и получилъ прощеніе; при этомъ, оправдывая себя, онъ старался выставить виновникомъ смуты новгородскаго митрополита Никона: митрополитъ-де хотѣлъ въ соборной церкви передѣлывать, потому въ Петровъ постъ 1649 г. мірскіе люди многіе приходили къ нему съ шумомъ и говорили: „Прежде многія власти были, а *старины не портили*; мы тебѣ стараго ничего въ соборной церкви передѣлывать не дадимъ“! Отъ митрополита толпа пошла къ св. Софіи, подвези изъ церкви выбросили, мастеровъ, которые подвязывали подвези и собирались столпы ломать, хотѣли бить, но тѣ спрятались. Никонъ въ отвѣтномъ письмѣ государю энергично опровергалъ это обвиненіе: „какъ мнѣ безъ твоего государева указу разрушить? Да и Софійской казны не будетъ столько, чтобы разобрать, не только что вновь создать“ (*С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. X,—по вышеуказ. изд. кн. 2 ст. 1537—1538). Намъ не особенно важно знать, дѣйствительно ли Никонъ хотѣлъ ломать и заново строить Софійскую церковь; но любопытно то, что уже и тогда недовольные имъ ставили ему въ упрекъ *порчу старины*: „прежде многія власти были, а старины не портили“...

современнымъ греческимъ образцамъ. Въ этомъ поставленіи *современныхъ* греческихъ книгъ и обрядовъ за обязательную норму и образецъ для русской церкви и состоитъ существенное отличіе Никонова дѣла отъ всѣхъ прежнихъ бывшихъ у насъ попытокъ книжнаго и обрядоваго исправленія. Здѣсь же прежде всего слѣдуетъ искать и объясненія того, почему исправленіе книгъ и обрядовъ при Никонѣ встрѣтило со стороны защитниковъ существующаго русскаго церковно-богослужебнаго порядка болѣе энергичный и болѣе печально кончившійся протестъ, чѣмъ при его предшественникахъ.

Но можно ли съ рѣшительностію утверждать, что именно въ этомъ заключалась характеристическая черта Никонова дѣла?—Вопросъ о томъ, какъ и по какимъ образцамъ правились книги при п. Никонѣ, не смотря на всю свою безспорную важность для уясненія главнѣйшихъ событій русской церковно-исторической жизни второй половины XVII вѣка,—до сихъ поръ еще не рѣшенъ окончательно; поэтому, присоединяясь къ указанному сейчасъ взгляду [1]), мы должны представить говорящія въ пользу его и противъ всякаго другого представленія дѣла соображенія и положительныя данныя. Въ нашей ученой литературѣ издавна установилось мнѣніе, что „во дни патріарха Никона богослужебныя книги наши были исправлены самымъ тщательнымъ образомъ по древле-славянскимъ и по греческимъ (разумѣется: тоже древнимъ) *рукописямъ*“. Соотвѣтственно этому въ п. Никонѣ изслѣдователи видѣли и многіе еще доселѣ продолжаютъ видѣть не инпціатора книжной справы по какимъ-нибудь новымъ пріемамъ, а лишь „законнаго пріемника“ справщиковъ прежняго времени, „энергичнаго защитника и проводника въ жизнь“ знакомой и его предшественникамъ мысли объ исправленіи книгъ по греческимъ древнимъ образцамъ. Никонъ только болѣе неуклонно, настоятельно и послѣдовательно проводилъ эту мысль,—и въ этомъ заключается существенное отличіе дѣятельности московскаго

---

[1]) Высказанному проф. *И. Ѳ. Каптеревымъ* (Характеръ отношеній Россіи къ правосл. востоку, стр. 344,—ошиб. вм. 444, и др.) и обстоятельно раскрытому проф. *Е. Е. Голубинскимъ* (Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами,—Богосл. Вѣсти. 1892, февр., стр. 304—312).

печатнаго двора при немъ отъ дѣятельности его при прежнихъ патріархахъ [1]). Но такъ ли было на самомъ дѣлѣ? Весьма вѣроятно, что поставивши программою своего дѣла слова грамоты восточныхъ патріарховъ 1593 г.: „да во всемъ великая Россія православная со вселенскими патріархи согласна будетъ“ [2]), Никонъ первоначально надѣялся достигнуть этого согласія путемъ исправленія русскихъ богослужебныхъ книгъ по древнимъ греческимъ рукописямъ, для собиранія которыхъ и былъ, между прочимъ, отправленъ на востокъ Арсеній Сухановъ. Но при практическомъ выполненіи этой программы неизбѣжно встрѣчался рядъ непреодолимыхъ препятствій, который—надо думать—и заставилъ дать дѣлу иную постановку. Можно было мечтать о возстановленіи правильности и единства въ русскихъ церковно-богослужебныхъ книгахъ и чинахъ на основаніи *древнихъ* греческихъ и славянскихъ рукописей, пока была увѣренность, что тѣ и другія „купно обои единъ чинъ и уставъ показуютъ“,—но какъ было добиться этого единства и правильности, когда въ дѣйствительности сами эти рукописи, вслѣдствіе продолжавшагося непрерывно въ теченіи вѣковъ развитія богослужебнаго обряда и чинопослѣдованій, въ изложеніи послѣднихъ значительно разнились между собою и еще значительнѣе отличались отъ современныхъ Никону богослужебныхъ чинопослѣдованій и практики греческой церкви? Прежніе справщики, пользуясь греческими рукописями лишь въ весьма ограниченномъ количествѣ, имѣли предъ собою не очень большое разнообразіе редакцій богослужебныхъ чиновъ и могли предпочесть какую-нибудь изъ нихъ по тѣмъ или др. соображеніемъ, нисколько не смущаясь ея несогласіемъ съ *современнымъ* греческимъ чи-

---

[1]) См. пр. *Николаевскаго*—цит. ст. въ Хр. Чт. 1891, іюнь—авг. стр. 155–156.—Преосв. *Макарій* въ своей Исторіи русск. раскола рѣшительно заявлялъ, что Никонъ исправлялъ книги *„не по печатнымъ греческимъ*, а по древнимъ рукописнымъ которыя собралъ въ такомъ количествѣ, и вмѣстѣ по древнимъ рукописнымъ славянскимъ“ (стр. 210).

[2]) Указанная грамота напечатана Никономъ въ „Скрижали“. Мысль о возстановленіи согласія съ греческою церковію, какъ основной причинѣ и конечной цѣли исправленія русскихъ богослужебныхъ книгъ вполнѣ опредѣленно высказана Никономъ въ предисловіи къ Служебнику, изд. въ 1655 г. (*Голубинскій*, цит. ст., стр. 309—310).

номъ, такъ какъ послѣдній вовсе не былъ въ ихъ сознаніи идеальною нормою и образцомъ. Положеніе Никона и его сотрудниковъ было совсѣмъ иное: не говоря уже о томъ, что вообще довольно трудно было бы иногда отыскать твердыя основанія, почему изъ множества собранныхъ рукописей непремѣнно та, а не иная должна быть предпочтена всѣмъ остальнымъ,—ни одна изъ нихъ, будучи избрана, не вела бы къ желанной цѣли—установленію богослужебно-обрядоваго единства съ современною церковью греческой, и чѣмъ древнѣе избранная рукопись, тѣмъ болѣе исправленный по ней русскій богослужебный чинъ отличался бы отъ современнаго греческаго. Представленныя соображенія невольно наводятъ на мысль, что Никонъ, усвоивши взглядъ южно-русскихъ ученыхъ на современное греческое православіе и настойчиво стремясь къ указанной сейчасъ цѣли, неизбѣжно долженъ былъ отказаться отъ невыполнимой задачи—исправлять русскіе богослужебные обряды и чины по *древнимъ* рукописямъ, и въ концѣ концовъ принять за образецъ въ дѣлѣ исправленія *современную* ему редакцію чинопослѣдованій въ печатныхъ греческихъ книгахъ (и м. б. еще—въ близкихъ къ нимъ рукописяхъ) и *современную* же богослужебную практику греческой церкви,—при чемъ, разумѣется, онъ могъ быть твердо убѣжденъ, что эти книги и эта практика болѣе вѣрно, чѣмъ несогласныя съ ними рукописи, сохраняютъ черты первоначальной древности. Предположеніе, столь естественное само по себѣ, находитъ подтвержденіе въ свидѣтельствѣ современника, достовѣрность котораго въ настоящемъ случаѣ едва-ли можно заподозрить. Разумѣемъ дьякона Ѳедора, который—говоря о томъ, что Никонъ неосновательно ссылается въ оправданіе своихъ исправленій на греческія книги — отмѣчаетъ разницу между самыми этими книгами: „греческія бо книги двои стали давно у нихъ: *рукописныя старыя* малыя (т. е. въ небольшомъ количествѣ), кои остались не сожжены отъ римлянъ, и тѣ правы книги; *и другіе* новыя, *печатныя* новыя греческія книги есть, иже печатаны по взятіи Царяграда, и тѣ всѣ растлѣны суть и римскихъ ересей наполнены. Отъ сея вины учинилося тако въ печатныхъ тѣхъ книгахъ: егда греки прибѣгоша въ Римъ со всѣми старыми своими книгами, крюще ихъ отъ турскаго

султана, съ нихже и наши русскія книги переведены, и тѣ книги у грекъ отняли римляне и на свой языкъ преложили, а тѣ старыя всѣ греческія сожгли, враги проклятые, и съ своего языка латынскаго почали уже печатать греческимъ языкомъ, смѣшавше ихъ своими ересми, и продаютъ ихъ грекамъ, по градомъ возяще, ежебы въ свое мудрованіе привести ихъ тѣмъ вымысломъ, якоже и насъ никоніяне нынѣ. И греки по нуждѣ покупаютъ ихъ, зане печати у нихъ нѣсть и при вѣрныхъ царѣхъ не было. А кои греки благочестіе хранятъ чисто, тіи отнюдь тѣхъ книгъ не пріемлютъ, но препишютъ съ нужею старыя и по тѣмъ славятъ Бога. И во Лоопской горѣ 20 монастырей греческихъ и 4 русскихъ, и всѣ тѣхъ книгъ, сквозѣ еретическія руки прошедшихъ, не пріемлютъ же. А печатаютъ ихъ латынцы въ трехъ градѣхъ своихъ: въ Римѣ, въ Парижѣ и Венеціи. *И тѣ прокаженныя книги латиногреческія печатныя Никонъ посылалъ покупать тамо,* и купилъ ихъ на многія тысящи сребра... *И съ тѣхъ новогреческихъ печатныхъ книгъ печаталъ онъ на Москвѣ новыя нынѣшнія книги: потому онѣ и несогласны со старыми нашими.* Арсеній грекъ, врагъ Божій, научилъ его, Никона, покупать тѣ книги еретическія, онъ переводилъ ихъ на нашъ языкъ словенскій, и тѣмъ они развратъ велій сотворили во всей Русской земли по всѣмъ церквамъ, и тѣмъ Христа Бога нашего прогнѣвали, и на весь міръ много бѣды и пагубы навели противными книгами и чужими догматы нововводными“ [1]). То обстоятельсво, что авторъ этого свидѣтельства—одинъ изъ расколоучителей, нисколько не

---

[1]) Матер. для ист. раск., изд. *П. П. Субботинымъ*, т. VI, стр. 157—158. То же самое говоритъ Ѳедоръ и въ другомъ мѣстѣ: „А нынѣшнія книги, что посылалъ покупать Никонъ патріархъ въ Грецыю, *съ коихъ нынѣ здѣ переводятъ*, словутъ греческія, а тамъ *печатаютъ тѣ книги подъ властію богоотступнаго папы римскаго въ трехъ градѣхъ: въ Римѣ, въ Парижѣ и Венеціи*, греческимъ языкомъ, но не по древнему благочестію, и тѣ книги у нихъ покупаютъ греки, и за нужу, что въ своей у нихъ землѣ печати нѣтъ,—сказалъ о семъ Максимъ Грекъ великому князю Василію; а ихъ старыя книги побравши, тѣ же отступницы римляне, и на свой языкъ переведчи, прижгли старыя, и съ своего языка на ихъ, какъ хотятъ, такъ выдадутъ. Того ради и здѣ нынѣшнія съ тѣхъ съ старыми несогласны, государь, и велія смута“. (Матер. для ист. раск., т. VI, стр. 41—42; еще—тамъ же, стр. 321; см. выше, стр. 28 примѣч. 2-е).

умепьшаетъ его силы въ настоящемъ случаѣ, поскольку рѣчь идетъ о томъ, какія греческія книги: рукописныя древнія или современныя печатныя были положены у насъ въ основу книжнаго исправленія при Никонѣ. Съ какой стати сталъ бы дьяконъ Ѳедоръ распространяться (да еще не однажды) о греческихъ книгахъ, печатаемыхъ въ Римѣ, Парижѣ и Венеціи, и строить на *нихъ* обвиненіе противъ п. Никона, если бы эти книги не были на самомъ дѣлѣ приняты за образецъ на московскомъ печатномъ дворѣ? и развѣ не былъ бы онъ въ такомъ случаѣ открыто изобличенъ въ очевидной лжи и клеветѣ на патріарха? Если же это свидѣтельство, тѣмъ не менѣе, показалось бы не убѣдительнымъ, то въ подкрѣпленіе его можно представить указанія, идущія уже не со стороны раскольниковъ и также подтверждающія, что при исправленіи имѣлись въ виду не одни только рукописи, а и печатныя греческія изданія [1]). Проф. Е. Е. Голубинскій въ своей вышецитов. статьѣ указываетъ даже сохранившійся до настоящаго времени экземпляръ греческаго печатнаго евхологія, съ котораго былъ правленъ служебникъ, изд. въ 1655 г. [2])— Въ виду всѣхъ этихъ соображеній и положительныхъ данныхъ взглядъ на пріемы и образцы книжнаго исправленія при п. Никонѣ, защищаемый названнымъ ученымъ, представляется совершенно справедливымъ. Кромѣ своей основательности, взглядъ этотъ долженъ быть предпочтенъ всякому другому ужь по одному тому, что онъ — какъ видно отчасти изъ предыдущаго и какъ еще яснѣе станетъ изъ дальнѣйшаго изложенія—единственно удовлетворительно объясняетъ намъ непонятный иначе фактъ необычайно-энергичнаго противодѣйствія русскихъ людей исправленіямъ Никона и происхожденіе раскола [3]).

---

[1]) Предисловіе къ Часослову 1653 г. и вопросъ собора 1666 г. о книгахъ греческихъ печатныхъ (прив. у *Голубинскаго*, цит. ст., стр. 311). Ср. *Бѣлокурова С.*, Арсеній Суханов, часть 1, стр. 327—329.

[2]) Проф. *Е. Е. Голубинскій*, тамъ же, стр. 308—309. О томъ, что греческія рукописи, привезенныя съ Аѳона Арсеніемъ Сухановымъ, не оказали и не могли оказать вліянія на исправленіе какъ этого Служебника, такъ и др. изданій, вышедшихъ съ Московск. печатн. двора при п. Никонѣ, см. назв. изслѣд. *Бѣлокурова*, стр. 416—420.

[3]) Единственное *дополненіе*, какое *можетъ* быть сдѣлано къ этому

Итакъ, книжное и церковно-обрядовое исправленіе, предпринятое у насъ при п. Никонѣ, представляетъ собою часть того общаго широкаго преобразовательнаго движенія, которое возникло подъ вліяніемъ знакомства съ Западомъ и шло оттуда. Но если во всѣхъ другихъ сторонахъ русской жизни потребность исправленій могла быть удовлетворена путемъ усвоенія западныхъ же порядковъ (каковое усвоеніе и совершается у насъ въ разсматриваемое время и еще сильнѣе—при Петрѣ), то въ примѣненіи къ области церковно-религіозной должно было быть иначе. Разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые ставились русскому религіозному сознанію вѣяніями, идущими съ Запада, можно было искать, разумѣется, не на безнадежно-еретическомъ Западѣ, а на возстановленномъ во мнѣніи русскихъ людей со стороны своего православія греческомъ Востокѣ. Такъ именно и было на самомъ дѣлѣ.

Но на ряду съ указаннымъ, идущимъ съ Запада, новымъ теченіемъ, поставившимъ на очередь вопросъ о всесторонней реформѣ русской жизни и опредѣлившимъ ея направленіе, существовалъ другой, исконный складъ понятій, иное направленіе мысли и жизни, созданное историческими судьбами русскаго народа и крѣпко связанное съ преданіями

взгляду,—это указаніе на изв. долю вліянія *южно-русскихъ* печатныхъ изданій богослужебныхъ книгъ на исправленіе таковыхъ же у насъ. Подобно тому, какъ вообще греческое вліяніе получаетъ у насъ силу въ XVII вѣкѣ, идя рука объ руку съ южно-русскимъ и въ значительной степени подготовляясь послѣднимъ,—и въ области книжнаго исправленія то и другое могли оказаться въ нѣкоторомъ взаимодѣйствіи, напр. такимъ образомъ, что южно-русскія богослужебныя книги могли иногда быть—такъ сказать—посредствующею инстанціей между новоисправленными русскими чинами и служившими для нихъ образцомъ печатными греческими,—могли служить пособіемъ, облегчавшимъ въ иныхъ случаяхъ дѣло переводчиковъ и справщиковъ. Такъ ли было на самомъ дѣлѣ, какъ *могло* быть—для рѣшенія этого вопроса мы не имѣемъ въ настоящее время нужныхъ фактовъ. Мы слышали, что въ скоромъ времени появится въ печати ученое изслѣдованіе, спеціально посвященное вопросу объ отношеніи южно-русскихъ богослужебныхъ изданій къ никоновской книжной справѣ. Каковы бы ни были результаты этого изслѣдованія, они едва ли внесутъ *существенныя* измѣненія въ тотъ взглядъ, по которому характеристическою чертою исправленія, предпринятаго при Никонѣ, признается тенденція привести русскіе церковно-богослужебные чины и обряды къ полному единству съ *современными греческими* чинами и обрядами.

старины. Было бы слишкомъ долго, а потому и неумѣстно здѣсь говорить о тѣхъ условіяхъ, которыя содѣйствовали его образованію; мы ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями о томъ, что составляло сущность этого направленія. Двѣ рѣзкія черты характеризуютъ собою воззрѣніе, лежащее въ его основѣ: мысль, что каждая страна имѣетъ свой собственный укладъ жизни, свои обычаи, которые „не приходятъ къ иной странѣ“ и въ неизмѣнномъ сохраненіи которыхъ заключается условіе силы народа и его историческое призваніе [1]), — и убѣжденіе, что русская жизнь во всѣхъ ея сторонахъ, не смотря на тѣ или другіе возможные недостатки въ частностяхъ, есть все-таки нѣчто высшее, совершеннѣйшее, чѣмъ жизнь другихъ странъ и народовъ. Естественнымъ выводомъ изъ подобнаго рода воззрѣній, справедливость которыхъ русскіе люди умѣли подкрѣплять ссылками на свидѣтельство исторіи своей и чужой, являлся крайній консерватизмъ въ отношеніи къ формамъ политическаго строя и общественнаго быта. Оглядываясь на свое собственное историческое прошлое и видя въ немъ радовавшую его сердце картину того, какъ русская земля все „растетъ и молодѣетъ и возвышается“, русскій человѣкъ приписывалъ это высокому достоинству своихъ изстари унаслѣдованныхъ обычаевъ и своей вѣрности этому завѣту предковъ. Естественно, что каждое даже самое незначительное измѣненіе привычныхъ формъ жизни, всякое „новшество“—каково бы оно ни было—должно было казаться подозрительнымъ для людей, такъ настроенныхъ, и вызывать въ нихъ боязливое опасеніе за цѣлость того гражданскаго и политическаго благосостоянія, которое ставилось въ зависимость отъ неизмѣнности существующаго порядка.

Если такъ крѣпко было въ русскихъ людяхъ этого склада вообще уваженіе къ родной старинѣ и убѣжденіе въ ея неизмѣнности, то еще болѣе это слѣдуетъ сказать о старинѣ

---

[1]) „Коей же странѣ—читалъ русскій человѣкъ въ епископскомъ поученіи князьямъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ—законы своя и отчина; а не приходитъ друга ко друзѣй, но своего обычяя кояждо законъ держи тъ“ (Памятники древне-русскаго канонич. права, изд. подъ ред. проф. *А. С. Павлова*, Русск. Историч. Библіот. т. VI, столб. 854); „а которая земля свои обычаи перестанавливаетъ—добавлялъ онъ къ этому свое собственное наблюденіе—и та земля не долго стоитъ“ (слова Берсеня Беклемишева).

религіозной, о церковныхъ порядкахъ и обычаяхъ. Въ крѣпкомъ соблюденіи не только главныхъ истинъ христіанской вѣры, но и мелкихъ подробностей церковнаго обряда русскіе люди искони видѣли свою отличительную особенность сравнительно съ другими неправославными народами (которыхъ они отказывались признать даже христіанскими), а съ теченіемъ времени стали видѣть въ этомъ даже свою провиденціальную задачу, свое историческое призваніе. Произошло это слѣдующимъ образомъ. Греки, ставшіе на Руси руководителями религіозной жизни послѣ принятія здѣсь христіанства, вмѣстѣ съ первыми уроками православной вѣры постарались передать своимъ ученикамъ сильное нерасположеніе ко всѣмъ другимъ исповѣданіямъ, и въ особенности свою чрезвычайно обострившуюся къ этому времени вражду къ латинянамъ: представляя послѣднихъ злѣйшими изъ всѣхъ еретиковъ, они внушали блюстись латинскихъ преданій и избѣгать ихъ какъ гангрены. Русскіе хорошо усвоили эти уроки своихъ учителей [1]) и всячески старались отгородить себя отъ еретическаго Запада, признавая истинными христіанами только себя, да своихъ учителей — грековъ. Но послѣдующія затѣмъ историческія обстоятельства, оставляя во всей силѣ прежній взглядъ русскихъ на самихъ себя и на латинянъ, сильно поколебали въ нихъ довѣріе къ греческому православію. Начиная съ флорентійской уніи, наложившей на грековъ въ сознаніи русскихъ людей позорное клеймо отступничества, у насъ начинаютъ говорить о греческомъ православіи ужъ какъ о чемъ-то прошломъ, имѣвшемъ мѣсто въ былыя времена, но теперь не существующемъ или, по крайней мѣрѣ, весьма сомнительномъ. Греки *были* когда-то православны и научили этому чистому православію русскихъ; потомъ греки утратили чистоту своего православія чрезъ унію съ латинствомъ, а русскіе сохранили его неизмѣнно. Выводъ отсюда былъ ясенъ и весьма пріятенъ для русскаго чувства: теперь, послѣ отступленія

---

[1]) О чемъ свидѣтельствуетъ обширная полемическая литература противъ латинянъ, обозрѣнію которой посвящено изслѣдованіе *А. Попова:* „Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ (XI—XV в.)“. М. 1875; ср. проф. *А. С. Павлова:* „Критическіе очерки по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ“. Спб. 1878 (XIX отчетъ о присужденіи наградъ графа Уварова).

грековъ, русскимъ ужь нечему у нихъ учиться, и по русское православіе нужно провѣрять по греческому, а наоборотъ,—сами греки лишь постольку могутъ быть признаны православными, поскольку они согласны съ нами въ своихъ вѣрованіяхъ и обрядахъ. Политическія невзгоды, постигшія грековъ вскорѣ послѣ флорентійской уніи, были въ глазахъ русскихъ людей съ одной стороны — подтвержденіемъ ихъ мнѣнія объ отступленіи грековъ отъ чистоты своего православія (паденіе Константинополя и греческаго царства было признано наказаніемъ грекамъ за то, что они „предаша гречьскую вѣру въ латынство"), съ другой—новымъ основаніемъ еще болѣе заподозрить эту чистоту. Если ужь во времена политической независимости греки не съумѣли остаться вѣрными православію, то чего ждать теперь, послѣ паденія Константинополя, когда они, плѣненные „агарянскими внуками", находятся подъ насиліемъ турскаго султана? Сопоставляя эти политическія бѣдствія грековъ съ своими собственными политическими успѣхами и смотря на нихъ съ той же самой точки зрѣнія божественнаго правосудія, награждающаго успѣхомъ благовѣріе и карающаго бѣдствіями нарушеніе чистоты вѣры, русскіе еще болѣе укрѣплялись въ мнѣніи о себѣ, какъ о народѣ, обладающемъ самымъ чистымъ правовѣріемъ. Понятно, что греческая церковь, съ ея богослужебною практикою, въ своемъ настоящемъ состояніи должна была утратить для нихъ прежнее руководственное значеніе, — и обнаружившееся вслѣдъ за тѣмъ нѣкоторое различіе между нею и русскою церковью въ богослужебныхъ чинахъ и обрядахъ [1]) вполнѣ послѣдо-

---

[1]) Эта обрядовая рознь, становящаяся уже замѣтною на границѣ XV и XVI вѣковъ (*Каптеревъ*, Патріархъ Никонъ....,—Прав. Обозр. за 1887 г., янв., стр. 166), была естественнымъ слѣдствіемъ неустановленности, не единообразія многихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ въ греческой церкви въ эпоху принятія нами христіанства отъ грековъ — съ одной стороны, и прекращенія очень близкаго общенія между церквами русскою и греческою въ эпоху политическихъ невзгодъ русской земли и потомъ Византіи—съ другой. Первое изъ указанныхъ обстоятельствъ открывало возможность дальнѣйшаго развитія церковныхъ чиновъ и обрядовъ въ Греціи и на Руси, а второе уясняетъ для насъ, почему это развитіе тамъ и здѣсь могло быть не одинаковымъ,—почему вновь образовавшіеся или только окончательно отлившіеся въ опредѣленную форму церковные обряды русскіе могли быть—и дѣйствительно оказались—не тождественны съ греческими.

вательно было объяснено такъ, что вина разногласія возлагалась не на русскихъ, а на грековъ. Все, чѣмъ церковь греческая въ своихъ книгахъ и богослужебной практикѣ расходилась съ русскою, было признано за погрѣшительныя „новшества“ грековъ, отчасти позаимствованныя отъ латинъ, отчасти измышленныя самими греками по собственному произволу или подъ вліяніемъ ига турецкаго. Мысль, что чистое православіе утрачено современными греками и что вѣра у нихъ стала „пестра“, дѣлается общимъ убѣжденіемъ русскихъ людей XVI и почти всей первой половины XVII в.,— и параллельно съ нею развивается и крѣпнетъ мысль о высокомъ превосходствѣ самихъ русскихъ, оставшихся вѣрными и неизмѣнными хранителями православныхъ преданій. „Тамо — говорили у насъ о грекахъ — вѣра православная испроказися Махметовою прелестію отъ безбожныхъ турокъ, здѣ же, въ рустѣй земли, *паче* просія святыхъ отецъ нашихъ ученіемъ“ [1]). Греки, приходившіе за милостынею на Русь

---

[1]) Свящ. Василій въ житіи Саввы Крыпецкаго (заимствуемъ изъ ст. проф. *Голубинскаго* въ Богосл. Вѣстн. 1892, янв., стр. 74). Особенно ярко и полно указанный взглядъ русскихъ на грековъ и на самихъ себя въ отнош. къ чистотѣ православія и вѣрности православнымъ преданіямъ выразился въ извѣстныхъ „Преніяхъ съ греками о вѣрѣ“ Арсенія Суханова; подробно о нихъ см. въ соч. *С. Бѣлокурова* — Арсеній Сухановъ, ч. 1, стр. 211—227, а самый текстъ „Преній“ во 2 ч. вып. 1 того же соч., стр. 25—101.—Проф. *Каптеревъ* въ своей статьѣ о п. Никонѣ приводитъ доказательства, что взглядъ на грековъ, какъ на утратившихъ чистое православіе, „никогда не былъ взглядомъ всеобщимъ, а тѣмъ болѣе церковнымъ“; по его мнѣнію, русскіе, не считая грековъ уклонившимися въ еретичество и признавая ихъ вполнѣ православными, ставили себя выше ихъ только со стороны внѣшняго благочестія: „они были убѣждены, что греки, сохранивъ у себя неповрежденною самую вѣру православную, т. е. православное вѣроученіе, въ то же время въ нѣкоторыхъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ, несознательно и незамѣтно для себя, отступили отъ старины, вслѣдствіе чего ихъ церковный чинъ, въ нѣкоторыхъ своихъ частностяхъ, уже нуждается въ исправленіи, и именно по образцу русскаго, который сохранился во всей его первоначальной полнотѣ и неповрежденности“ (см. Прав. Обозр. 1887, янв., стр. 168—174). Но съ такимъ мнѣніемъ трудно согласиться вполнѣ. И прежде всего, въ примѣненіи къ тому времени, о которомъ идетъ рѣчь, едва ли возможно ясное разграниченіе въ сознаніи русскихъ людей предметовъ вѣроученія отъ подробностей богослужебнаго обряда и церковной дисциплины: не только русскіе, но и превосходившіе ихъ по своему богословскому развитію греки тогда еще не умѣли вполнѣ ясно отличать существенное въ православіи отъ несущественнаго, внутренней стороны отъ внѣшней (о чемъ

съ порабощеннаго магометанами востока и даже сами восточные патріархи (цареградскій Іеремія и іерусалимскій Θеофанъ), льстя этому разросшемуся самомнѣнію, съ

подробнѣе — нѣсколько ниже), — значитъ, не могли полагать различія, въ смыслѣ искаженія православія, между отступленіемъ въ вѣрѣ и измѣненіемъ въ церковномъ обрядѣ. Не тотъ обрядъ– значитъ, не та и вѣра: вотъ, въ нѣсколько рѣзкомъ выраженіи, точка зрѣнія, свойственная русскимъ людямъ того времени. Замѣчая у грековъ особенности въ обрядѣ сравнительно съ собою и считая себя вполнѣ православными, русскіе, сообразно указанной точкѣ зрѣнія, не могли уже считать таковыми же и грековъ. Какъ же примирить съ этимъ тѣ факты, на которые указываетъ проф. Каптеревъ,— факты, говорящіе о томъ, что русскіе поддерживали церковное общеніе съ греками, обращались къ нимъ за разъясненіями разныхъ недоумѣній по церковнымъ вопросамъ, признавали дѣйственными ихъ молитву и благословеніе и допускали греческихъ выходцевъ - епископовъ къ занятію у насъ архіерейскихъ каѳедръ? Единственно правильный отвѣтъ на этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, будетъ слѣдующій: отступленіе грековъ отъ чистоты древняго православія считалось у насъ несомнѣннымъ, но не поголовнымъ и не безнадежнымъ. Русскіе люди признавали, что греки, вслѣдствіе сближенія съ латинянами и подъ вліяніемъ ига невѣрныхъ, утратили чистое православіе, но утратили не сполна и не всѣ: остались между ними и такіе, которые не приняли латинскихъ и др. ересей и пребыли вѣрны древнимъ преданіямъ, тѣмъ самымъ, которыя нѣкогда были приняты и нами отъ грековъ при крещеніи Руси. Нельзя только безъ нарочитаго предварительнаго испытанія рѣшить въ отдѣльныхъ случаяхъ, сохранено ли изв. лицами православіе, или нѣтъ; и до тѣхъ поръ, пока вопросъ этотъ не изслѣдованъ и не рѣшенъ, *каждый грекъ представлялся сомнительнымъ со стороны своего православія*. Отсюда—проявляемая русскимъ правительствомъ забота: при восшествіи на восточный патріаршій престолъ новаго лица, прежде чѣмъ вступить съ нимъ въ общеніе, убѣдиться въ его православіи; отсюда практиковавшаяся у насъ отдача пришлыхъ грековъ подъ началъ „для исправленія православные вѣры“; отсюда же (хотя и не исключительно) тотъ негласный, но строгій надзоръ, какому подвергались даже восточные патріархи, пріѣзжавшіе на Русь. Все это показываетъ, что русскіе люди и само русское правительство, свѣтское и духовное, признавало современныхъ грековъ православными лишь постольку, поскольку находило ихъ чуждыми новшествъ и вѣрными преданіямъ того *древняго* греческаго православія, какое нѣкогда приняла Русь при крещеніи и вѣрною хранительницею котораго считала она себя теперь. Только это *древнее* греческое православіе сохраняло по прежнему свой авторитетъ для русскихъ и только его руководительству они и теперь готовы были подчиняться. Именно эта мысль даетъ себя чувствовать въ тѣхъ случаяхъ, когда русская церковная власть считала необходимымъ обратиться къ восточнымъ патріархамъ по какимъ-нибудь церковнымъ дѣламъ. Когда у насъ шли споры о прилогѣ въ молитвѣ богоявленскаго водоосвященія словъ: „и огнемъ“, русская духовная власть, въ лицѣ н. Филарета, не находя возможнымъ сама рѣшить столь важный,

своей стороны не затруднялись заявлять, что дѣйствительно теперь на Руси большее православіе и высшее христіанство, чѣмъ у нихъ, грековъ [1]). Разроставшаяся между тѣмъ мало

по ея мнѣнію, богословскій вопросъ, обращается за содѣйствіемъ къ восточнымъ патріархамъ, но за какимъ содѣйствіемъ? Личное указаніе іерус. патріарха Θеофана на то, „какъ у нихъ освященіе богоявленской воды бываетъ“ (т. е. на современную богослужебную практику греческой церкви) не рѣшило недоумѣнія, и Филаретъ „Θеофану патріарху говорилъ, чтобъ ему пріѣхавъ въ греческую землю, со всею братіею со вселенскими патріархи посовѣтовавъ о томъ, *выписати изъ греческихъ книгъ древнихъ переводовъ о освященіи богоявленской воды*, какъ у нихъ писано, и выписавъ прислати къ намъ къ Москвѣ за своими руками“ (*Андрей Іоанновъ*, Полн. историч. извѣстіе, стр. 39). Этотъ фактъ весьма ясно показываетъ, чего собственно хотѣла, чего искала и какое православіе имѣла въ виду русская дух. власть, обращаясь за справками по церковнымъ вопросамъ на востокъ. Совершенно естественно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда она не находила повода заподозрить чистоту православія современныхъ греческихъ іерарховъ и др. лицъ, она не находила и препятствій къ тому, чтобы быть съ ними въ церковномъ общеніи и благотворить имъ. Послѣднее, т. е. благотворительность, русскіе, въ качествѣ хранителей и защитниковъ православія, естественно признавали даже своею обязанностью по отнош. къ тѣмъ изъ грековъ, которые признаны были сохранившими древнія православныя преданія не смотря на всѣ неблагопріятствующія этому условія. А что касается случаевъ допущенія греческихъ епископовъ къ занятію архіерейскихъ каѳедръ на Руси, то—по словамъ самого проф. Каптерева—это было возможно лишь подъ условіемъ, чтобы допускаемый „при совершеніи богослуженія на Руси придерживался тѣхъ церковныхъ особенностей, которыми русскіе отличались тогда отъ современныхъ грековъ“ (стр. 172—173), т. е. говоря иначе, лишь въ томъ случаѣ, когда въ грекѣ не оставалось ничего греческаго (въ смыслѣ церковно - богослужебныхъ особенностей). Так. образ., отношенія русскаго правительства, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго, къ грекамъ, несомнѣнно, опредѣлялись тою общею руководящею мыслію, что современное греческое православіе, послѣ флорентійской уніи и паденія Константинополя, весьма сомнительно и не можетъ быть довѣрчиво пріемлемо безъ предварительнаго испытанія путемъ сопоставленія съ нашимъ русскимъ православіемъ, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ такое нарочитое испытаніе не всегда было необходимо для устраненія недоумѣнія. Въ общемъ если греки и признавались православными, то лишь постольку, поскольку предполагались въ согласіи съ нами, каковое согласіе въ отдѣльныхъ случаяхъ нужно было доказать.

[1]) „Ветхій Римъ падеся аполинаріевою ересью,—писалъ п. Іеремія въ грамотѣ къ царю Θедору Ивановичу,—вторый же Римъ, иже есть Константинополь, агаряпскими внуцы отъ безбожныхъ турокъ обладаемъ; твое же, благочестивый царю, великое россійское царствіе третій Римъ благочестіемъ всѣхъ превзыде, и вся благочестивая царствія въ твое царствіе въ одно снидошася; ты единъ христіанскій царь именуешися во всей вселенней“

по малу обрядовая розпь между русскою и греческою церковью не могла, конечно, остаться незамѣченною этими льстивыми пришельцами съ Востока; но они не считали удобнымъ пускаться въ обличеніе обрядовыхъ разностей, укоренявшихся на Руси, и за время своего пребыванія здѣсь охотно позволяли переучивать себя молиться по русскому обряду [1]). Далѣе этого, разумѣется, идти было ужь некуда: если сами греки, бывшіе нашими учителями, не прочь теперь поучиться у насъ православію, то русскимъ остается лишь хранить неизмѣнно свою вѣру и свои обычаи, тѣмъ болѣе, что съ неизмѣннымъ сохраненіемъ ихъ у насъ связывается теперь судьба всего міра. Классическимъ выраженіемъ этого взгляда русскихъ людей на историческое положеніе и роль своего православія служитъ извѣстное по-

---

(*Терновскій Ф.* Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси, вып. 2, стр. 70. Кіевъ 1876). Объ Іерус. патріархѣ Ѳеофанѣ см. въ слѣдующ. примѣч.—На это свидѣтельство самихъ грековъ, и въ частности восточныхъ патріарховъ, о высотѣ русскаго православія сравнительно съ греческимъ неоднократно потомъ указывали раскольники въ своихъ челобитныхъ и др. сочиненіяхъ (см. Матеріалы для первонач. исторіи раскола, т. III, стр. 159, 169, 246 и др.).

[1]) *Каптеревъ Н.* Характеръ отношеній... стр. 158.—Особенно характеристично съ этой стороны поведеніе Іерусалимск. патріарха Ѳеофана, бывшаго въ Москвѣ въ 1619 г. Когда русскіе указывали ему и его спутникамъ на ихъ отступленія отъ русскаго порядка и благочинія при совершеніи богослуженія, то слышали отъ патріарха, въ отвѣтъ на свои замѣчанія, лишь такія смиренныя рѣчи: „то де учинилося спроста, а впредь де того не будетъ"; „Бога ради, указывайте намъ по своему, какъ де у васъ чинъ ведется, а я де радъ слушати"; „и я де стану дѣйствовати по вашему чину, а впредь де тово у меня не будетъ", — и по словамъ современника — очевидца, сохранившаго намъ разсказъ объ этомъ, „они (т. е. патріархъ и его спутники—греки) въ томъ прощеніе получили, а ни въ чемъ не перековали, потому что у нихъ, по греху, позакоснѣли отъ перваго преданнаго имъ чина". А когда послѣ службы русскіе архимандриты провожали греческаго патріарха до келлій, онъ обратился къ нимъ съ словами благодарности: „просвѣтили-де вы меня своимъ благочестіемъ, и напоили де жаждущую землю водою своего благочестиваго ученія, и на томъ де вамъ много челомъ бью" (*Каптеревъ*, Патріахъ Никонъ,—Правосл. Обозр. 1887, янв., стр. 174—176). Весьма вѣроятно, что послѣднія слова были сказаны патріархомъ въ ироническомъ смыслѣ, какъ думаетъ проф. Каптеревъ; но совершенно справедливо и то его замѣчаніе, что русскими слова эти „были приняты за чистую монету, такъ что они вполнѣ были увѣрены, что имъ дѣйствительно приходится относительно церковнаго чина поучать самихъ восточныхъ патріарховъ" (тамъ же, стр. 176).

слапье старца Филооея (XVI в.). „Стараго убо Рима церкви падеся невѣріемъ аполлинаріевы ереси,—писалъ старецъ в. князю — втораго же Рима Константинова града церкви агаряне внуцы сѣкирами и оскордми разсѣкоша двери. Сія же нынѣ третьяго новаго Рима державнаго твоего царствія святая соборная апостольская церкви, иже въ концыхъ вселенныя въ православной христіанстѣй вѣрѣ во всей подпебесней паче солнца свѣтится. И да вѣсть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христіанскія вѣры снидошася въ твое едино царство, единъ ты во всей поднебесней христіаномъ царь... *Не преступай, царю, заповѣди, еже положиша твои прадѣды* великій Константинъ и блаженный Владимеръ и великій богоизбранный Ярославъ и прочіи блаженніи святіи, ихже корень и до тебе... Блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христіанская царства снидошася въ твое едино, яко два Рима падоша, а третій стоитъ, а *четвертому не быти;* уже твое христіанское царство инѣмъ не останется“ [1]). Ставши, такимъ образомъ, въ сознаніи русскихъ людей третьимъ Римомъ, верховною обладательницею чистаго православія, Москва принимала на себя предъ лицемъ всего міра весьма почетную, но и крайне отвѣтственную обязанность—храпить, какъ зеницу ока, свои православныя преданія, ограждая ихъ отъ зараженія всякимъ вѣтромъ ученія, идущимъ не только съ еретическаго Запада, но и отъ самихъ грековъ, у которыхъ вѣра стала не чужда латинскаго еретичества и кромѣ того—„испроказися махметовою прелестью отъ безбожныхъ турокъ“, вслѣдствіе чего нуждается не только въ покровительствѣ, какъ угнетенная, но и въ

---

[1]) Правосл. Собес. 1863 г., часть I, стр. 344—347. Мысль о Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ и преемницѣ Константинополя въ религіозномъ и политическомъ отношеніи нашла себѣ выраженіе въ русскихъ легендахъ о царскихъ регаліяхъ (см. *Терновскаго Ф.* Изученіе Византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси, вып. 2, стр. 155—156) и бѣломъ клобукѣ (см. Памятники старинной р. литературы, изд. гр. Г. Кушелевымъ-Безбородко подъ редакціею *И. Костомарова*, вып. I, стр. 287—303; *Терновскаго*—назв. соч., стр. 171—174) и въ параллельныхъ имъ фактахъ соборнаго утвержденія царскаго вѣнчанія Ивана IV константинопольскимъ патріархомъ—и учрежденія патріаршества на Руси (объ этомъ—см. проф. *Каптерева* — Характеръ отношеній Россіи къ православн. востоку, стр. 26—60).

нѣкоторомъ исправленіи по русскому образцу. При этомъ, согласно общему духу времени и характеру тогдашняго просвѣщенія, не полагалось существеннаго различія между предметами вѣры и подробностями внѣшняго обряда. Черта, отдѣляющая въ наше время догматъ отъ обряда, тогда еще не была проведена съ полною ясностію; по глубоко-вѣрному замѣчанію проф. А. С. Павлова, „Русь при Владимірѣ принимала и потомъ въ теченіе вѣковъ содержала христіанство, какъ одинъ цѣльный культъ, въ которомъ народный смыслъ еще не могъ различать внутренней и внѣшней стороны“, какъ существеннаго и несущественнаго для чистоты вѣры [1]). Противопоставляя свое православіе другимъ исповѣданіямъ, напр. латинству, русскіе люди старыхъ временъ — и не одни только русскіе—обыкновенно перечисляли, какъ характеристическіе признаки православія, не только догма-

---

[1]) *Павловъ, А. С.* Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики, стр. 4.—По ходячему мнѣнію, смѣшеніе безразличнаго обряда съ существеннымъ пунктомъ вѣроученія—съ догматомъ составляетъ своеобразную черту старорусскаго невѣжества, отличающую первыхъ расколоучителей и ихъ послѣдователей; но это несправедливо: неумѣнье отличить существенное отъ несущественнаго въ области церковно-религіозной мы встрѣчаемъ не у однихъ только первоучителей раскола и ихъ послѣдователей, но и у ихъ православныхъ противниковъ (напр. у самого патр. Никона, доказавшаго это ужъ тою ревностію и ни передъ чѣмъ не останавливающеюся энергіей, съ какою онъ повелъ борьбу противъ двуперстія и т. подобныхъ, признанныхъ теперь безразличными, особенностей русскаго богослужебнаго обряда), и даже у грековъ того времени, безъ сомнѣнія превосходившихъ русскихъ людей по своему богословскому развитію. Относительно грековъ, кромѣ тѣхъ проклятій, какія они изрекли на двуперстіе и другія подобныя особенности, какъ на еретичество (разумѣемъ случаи подобные разсказаннымъ у высокопреосв. Макарія въ Ист. русск. раск., стр. 168—170), укажемъ еще слѣд. фактъ. Извѣстный Паисій Лигаридъ, человѣкъ весьма образованный для своего времени и смотрѣвшій иногда даже б. м. ужь слишкомъ свободно на церковные предметы, въ своей запискѣ, представленной восточнымъ патріархамъ и содержавшей подробное изложеніе обвиненій противъ Никона, представляетъ послѣдняго „нововводителемъ, поколебавшимъ уставъ и древнее преданіе“. Основаніе для такого обвиненія указывалось въ томъ, что Никонъ замѣнилъ синія скрижали на мантіи красными, ввелъ новые напѣвы, отмѣнилъ нѣкоторыя церковныя пѣсни, внутри алтаря предъ зеркаломъ разчесывалъ волосы, и т. под. (Проф. *И. И. Субботинъ*, Дѣло патріарха Никона, стр. 137. М. 1862). Это—лишь наименѣе сильныя изъ тѣхъ основаній, по которымъ подобное же обвиненіе выставляли противъ Никона и первые раскольники.

тическія его особенности, но и всѣ отличія въ области обрядовъ и внѣшней церковной дисциплины, придавая всему этому совершенно одинаковое значеніе. При такомъ взглядѣ на содержаніе и объемъ признаковъ православія русскіе люди, принявшіе на себя роль его охранителей, должны были распространить свою охранительную заботливость не на одни только догматическія вѣрованія, но и на весь строй русской религіозно-церковной жизни, на всѣ ея стороны и проявленія. Всякое новшество, всякое отступленіе отъ религіозно-національныхъ, отеческихъ преданій — будетъ ли оно затрогивать основныя вѣрованія православія, или же только нѣкоторыя подробности богослужебнаго обряда и церковной дисциплины — было одинаково нежелательно по понятіямъ русскихъ людей XV—XVII в., потому что „немыслимая гибель русскаго царства, а вмѣстѣ гибель и всего православія видѣлась имъ во всякой перемѣнѣ, во всякомъ измѣненіи наслѣдованнаго отъ предковъ. И чѣмъ сильнѣе эта мысль овладѣвала умами русскихъ, тѣмъ строже и бдительнѣе они становились къ охранѣ того сокровища, которое служило залогомъ и ихъ вѣчнаго спасенія и залогомъ крѣпости, силы и процвѣтанія ихъ царства; тѣмъ все съ большею подозрительностью они стали относиться ко всякой попыткѣ что-либо измѣнить изъ своей старины, упрямо не хотѣли допускать у себя никакихъ нововведеній, особенно исходившихъ изъ сторонникъ, перусскихъ вліяній и производимыхъ не русскими людьми, а пришлецами“ [1]).

Легко представить себѣ, какъ должны были отнестись люди, проникнутые такою глубокою увѣренностью въ своемъ православіи и такими воззрѣніями на современныхъ грековъ, къ дѣлу книжнаго и обрядоваго исправленія, выходившему изъ совершенно противоположныхъ началъ. Мы видѣли, что мысль о церковномъ исправленіи, запавшая Никона, какъ и все вообще преобразовательное движеніе XVII вѣка, шла къ намъ съ *латинскаго Запада*, а за образецъ при выполненіи этого исправленія были приняты *современные греки*. Съ точки зрѣнія людей старорусскаго

---

[1]) *Каптеревъ Н. Ѳ.* Характеръ отношеній Россіи къ правосл. востоку, стр. 17. Ср. вообще къ сказанному стр. 4—24 назв. изслѣдованія и стр. 61—74 статьи проф. *Голубинскаго* въ Богосл. Вѣсти. 1892 г., янв.

склада понятій это значило положить въ основу дѣла завѣдомо ложный принципъ и дать ему такую постановку, результатомъ которой будетъ не возстановленіе болѣе или менѣе измѣнившихся отъ невѣжества переписчиковъ и недосмотра книжныхъ справщиковъ древнихъ чиновъ и обрядовъ, а конечное разрушеніе православія, искаженіе чистой вѣры чрезъ внесеніе въ нее „пестрообразной прелести еретичества“. Разумѣется, подобный взглядъ былъ совершенно ложенъ по существу дѣла; но русскимъ людямъ, привыкшимъ считать себя учителями православія по отношенію къ грекамъ и поддержанымъ въ этомъ мнѣніи самими греками, трудно было сразу перейдти въ положеніе учениковъ[1]). Это значило зачеркнуть свое славное историческое прошлое, заклеймить печатью рѣзкаго осужденія все то, что было въ немъ особенно свято и дорого, отказаться отъ права на самостоятельную жизнь, признать себя вѣчными малолѣтками, не могущими обходиться безъ грековъ и не имѣющими права думать и вѣровать иначе, чѣмъ греки: мысль крайне тяжелая и оскорбительная для національнаго чувства! [2]). Очевидно, что даже при самыхъ осто-

---

[1]) „Вселенстіи учителіе! — говорилъ прот. Аввакумъ на соборѣ восточнымъ патріархамъ: Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонно, и ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіяномъ. А и у васъ православіе пестро стало отъ насилія турскаго Махмета, — да и дивить на васъ нельзя: немощни есте стали. *И впредь пріѣзжайте къ намъ учитца:* у насъ, Божіею благодатію, самодержество“... И патріарси задумались,—замѣчаетъ Аввакумъ (Матер. для ист. раск., т. V, стр. 78). Настроеніе русскихъ людей при разсматриваемыхъ обстоятельствахъ хорошо рисуется въ слѣд. рѣчахъ, которыя говорилъ черный попъ Григорій въ Соловецкомъ монастырѣ: „Прежде-де сего отъ Соловецкаго монастыря вся русская земля всякимъ благочестіемъ просвѣщалась, и ни подъ какимъ зазоромъ Соловецкій монастырь не бывалъ, яко столпъ, и утвержденіе, и свѣтило и свѣтъ сіялъ; *вы де нынѣ новой вѣрѣ отъ грековъ учитеся, а ихъ де греческихъ властей къ намъ въ монастыръ подъ началъ посылаютъ*, и они де, греческіе власти, и креститись не умѣютъ, мы де ихъ и сами учимъ, какъ креститись; а мы де не хотимъ древняго преданія святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и святыхъ чудотворцевъ Зосимы и Саватія нарушать, и во всемъ имъ послѣдуемъ“ (Матер. т. III, стр. 147).

[2]) Именно это чувство оскорбленнаго религіозно-національнаго самосознанія слышится въ жалобѣ соловецкихъ старцевъ царю Алексѣю Михайловичу на то, что „новые учители“, рабски слѣдуя въ исправленіи русскихъ богослужебныхъ книгъ греческимъ образцамъ, „тѣми греческими

рожныхъ попыткахъ такого рода исправленій, какія предпринималъ Никонъ, протестъ со стороны многихъ русскихъ людей, и притомъ весьма рѣшительный, былъ бы неизбѣженъ. Но Никонъ былъ вовсе не изъ числа тѣхъ, которые умѣютъ дѣйствовать осторожно... Онъ—по слишкомъ, быть можетъ, рѣзкому замѣчанію одного изслѣдователя раскола—„презиралъ народъ и его желанія не меньше, чѣмъ впослѣдствіи Петръ“ [1]), и это обстоятельство сообщило дѣлу

книгами православную нашу христіянскую вѣру истребили дотолика, будто и слѣдъ православія въ россійскомъ царствіи до сего времени не именовался, и *учатъ*“ русскихъ людей „нынѣ *новой вѣрѣ, якоже Мордву или Черемису*, невѣдущихъ Бога и истинные христіанскіе православные вѣры“. Исчисливши затѣмъ въ довольно подробной и искусно разсчитанной рѣчи обычныя доказательства того, что русская земля постоянно и „непоколебимо въ православныхъ догматѣхъ и церковныхъ исправленіяхъ пребываетъ“, превосходя въ этомъ отношеніи грековъ, изъ которыхъ „ни единъ лица своего перекрестити не умѣетъ“ и у которыхъ, по свидѣтельству самихъ восточныхъ патріарховъ, „православная вѣра отъ насилія поганыхъ турковъ до конца иссякла“, старцы совершенно послѣдовательно заключаютъ, что не пристало учить насъ новой вѣрѣ и странному своему ученію тѣмъ, „которые сами ничего не знаютъ и конечнаго исправленія въ православной вѣрѣ требуютъ“. Греческіе учители, по мнѣнію челобитчиковъ, наѣхали въ русскую землю „не вѣры исправлять, а злата и сребра и вещей собирати и міръ истощать“. „А нынѣ, государь, видя вѣсно (извѣстно?) ихъ греческаго ученія въ православной нашей христіанствѣй вѣрѣ смятеніе и церквамъ Божіимъ неумиреніе и повсядневное премѣненіе, *многіе иноземцы намъ посмѣваютца и говорятъ, будто мы христіанскія вѣры по сю пору не знали*, а будетъ-де и знали, ино нынѣ заблудили, и о томъ что де ваша вѣра и нынѣ книги всѣ перемѣнены по новому, и съ прежними вашими книгами, кои при прежнихъ царехъ были, нынѣшніе книги ни въ чемъ не сходятца. *И намъ, государь, противъ ихъ рупательства отвѣту дать нечего*, потому что они видятъ наше непостоянство, поносятъ насъ дѣломъ“. (Матер. для ист. раск., т. III, стр. 245—255).

[1]) *Мельниковъ П.* Историч. очерки поповщины, стр. 14. М. 1864.—Твердая воля и непреклонный характеръ Никона слишкомъ хорошо извѣстны. чтобы о нихъ нужно было еще распространяться. Эти то личныя качества и были второстепенными причинами, которыя, дѣйствуя на ряду съ другими—главными, придали дѣлу исправленія столь роковой исходъ. Слишкомъ непреклонный въ своихъ намѣреніяхъ и слишкомъ увѣренный въ себѣ и въ правотѣ своего дѣла, Никонъ не соображался съ препятствіями и въ практическомъ осуществленіи своей мысли дѣйствовалъ не всегда осторожно. Свою неосторожность онъ обнаружилъ уже въ замѣнѣ прежнихъ (іосифовскаго времени) справщиковъ, оказавшихся непригодными для предначертаннаго дѣла, новыми, несомнѣнно болѣе образованными, но людьми съ болѣе чѣмъ небезупречнымъ прошлымъ и болѣе чѣмъ сомнительною

предпринятаго имъ церковнаго исправленія въ глазахъ поборниковъ отечественной старины тотъ же самый характеръ насильственной ломки и передѣлки старорусскихъ *церковныхъ* порядковъ на иноземный ладъ, какимъ отличается петровская реформа старорусскаго *государственнаго* порядка и быта.

При первомъ же извѣстіи объ этомъ исправленіи страхъ за дорогую русскому сердцу старину охватилъ ся почитателей,—и протестъ не замедлилъ обнаружиться. Протопопъ Аввакумъ въ мѣткихъ словахъ обрисовываетъ намъ то душевное настроеніе, которое овладѣло имъ и его единомышленниками, когда была прочитана, на первой недѣлѣ Вел. поста 1653 г., изданная Никономъ „память“ о поклонахъ: „Мы же задумалися, сошедшеся между собою, — говоритъ Аввакумъ: видимъ, яко зима хощетъ быти: сердце озябло и ноги задрожали“ [1]). Намъ вполнѣ понятенъ сталъ этотъ

твердостію въ православіи (каковы, напр., Арсеній Грекъ, о которомъ см. *Каптерева*—Характеръ отношеній, стр. 207—217, *его же*— Слѣдств. дѣло объ Арсеніѣ грекѣ и ссылка его въ Соловецкій монастырь,—ст. въ Чт. въ О. Л. Д. Пр. 1881 г. іюль, стр. 81—88 и *Тертовскаго*—цит. соч., вып. 2, стр. 83—87), что̀ при исправленіи св. книгъ русскимъ людямъ весьма естественно представлялось обстоятельствомъ далеко не безразличнымъ. Равнымъ образомъ, не всякій рѣшился бы на такое рѣзкое порицаніе и отрицаніе книгъ и обрядовъ, существовавшихъ при прежнихъ патріархахъ, на какое рѣшился Никонъ: не трудно было предвидѣть, что пресѣдованіе того, что узаконялось и чтилось за немного лѣтъ предъ тѣмъ, неизбѣжно произведетъ сильное потрясеніе въ обществѣ и поведетъ къ подрыву авторитета церковной власти. „Человѣкъ съ обыкновенною волею и не слишкомъ твердымъ характеромъ, предвидя это потрясеніе, едва-ли рѣшился бы настойчиво возстать противъ совершеннаго при его предшественникѣ, хотя бы и видѣлъ всѣ сдѣланныя ошибки“ (*Андреевъ*, Расколъ и его значеніе, стр. 43).

[1]) Матеріалы для первонач. ист. раск., изд. *П. П. Субботинымъ*, т. V, стр. 18. Еще ранѣе, чѣмъ былъ заявленъ протестъ Аввакумомъ и др., Никонъ встрѣтилъ оппозицію своему дѣлу на московскомъ печатномъ дворѣ, въ лицѣ справщиковъ старцевъ Іосифа (Ивана Пасѣдки) и Савватія, правившихъ книги и при п. Іосифѣ. Указанныя лица могли не мало содѣйствовать возбужденію недовольства Никономъ и его дѣломъ въ московскомъ духовенствѣ; но самъ по себѣ ихъ протестъ не имѣлъ значенія, такъ какъ въ самомъ началѣ его, въ ноябрѣ 1652 г., названные справщики были удалены съ печатнаго двора и тогда же отправлены въ строгое заключеніе (см. ст. пр. *Николаевскаго*—Моск. печати. дворъ при п. Никонѣ, Хр. Чт. 1891 г., іюль—авг., стр. 162).

холодъ душевный и внутренняя дрожь, охватившіе русскихъ людей,—когда мы представимъ себѣ тотъ рядъ скорбныхъ чувствъ и опасеній, какія должны были зародиться въ нихъ при видѣ того, какъ преданія старины, завѣты предковъ начинаютъ разрушаться рукою патріарха, подпавшаго вліянію чужеземныхъ пришельцевъ, льстивыхъ гречанъ, людей—какъ были поводы думать—сомнительнаго православія и еще болѣе сомнительной святости [1]). „Гдѣ правда? Чему вѣрить? Старымъ ли святымъ богомудрымъ мужемъ, или нынѣшнимъ пьянымъ философомъ, иже чреву своему служатъ день и нощь, и сію мудрость отъ римскихъ богомерзкихъ книгъ пріяша?“—вотъ вопросъ, какой задали себѣ русскіе люди стараго склада понятій, и—разумѣется—не долго колебались надъ отвѣтомъ. „Не буди намъ новому баснословію внимати и оставя истину — лжи послѣдовати!“ [2]). Составлена была выписка о сложеніи перстъ и о поклонахъ и подана царю; выписка осталась безъ послѣдствій: быть можетъ, она была передана Никону (какъ думали расколоучители), но—конечно—не могла заставить его остановить дѣло, разъ начатое. Едва-ли и сами противники этого дѣла, зная патріарха, могли разсчитывать на какія-нибудь уступки съ его стороны; но за то и съ своей стороны они вовсе не были расположены къ уступкамъ: можетъ ли быть рѣчь о нихъ, когда дѣло идетъ о чистотѣ вѣры Христовой, о судьбѣ всего православія? [3]). Придется, можетъ быть, подвергнуться осужденію и анаѳемѣ отъ патріарха,—но какую силу можетъ имѣть „шпынская“ клятва, налагаемая за неизмѣнную вѣрность преданію св. отецъ русскихъ и греческихъ? [4]). Придется потерпѣть и „тѣлесное озлобленіе“ за

[1]) Матер. для ист. раск., т. V, стр. 137 — 138; т. VI, стр. 321; т. III, стр. 273.

[2]) Матер. т. VI, стр. 287.

[3]) „Больно-су намъ, — вырывается горячая жалоба у Аввакума: мать нашу ограбили святую церковь, да еще бы мы жъ молчали! Не умолчимъ-су и по смерти своей вашему воровству. Отдайте матери нашей имѣніе все... А то малое ли дѣло: всю невѣсту Христову разорили, римляне — воры..., разорили зѣло и обезчестили“ (Матер. т. V, стр. 368).

[4]) Церковная анаѳема, на первыхъ же порахъ употребленная какъ средство для того, чтобы сломить упорство противниковъ исправленія, въ дѣйствительности оказалась не достигающею своей цѣли. „А что вы насъ клянете съ дьяволомъ своимъ,—съ обычною рѣзкостью писалъ впослѣд-

неповиновеніе патріаршему указу,—но развѣ не сладко пострадать за святое дѣло, развѣ не замапчиво — стать „съ мученики въ чинъ, со апостолы въ полкъ, со святители въ ликъ?“ [1]). И возбужденное воображеніе подкрѣпляетъ себя фантастическимъ видѣніемъ и таинственнымъ голосомъ отъ иконы: „приспѣ время страданія; подобаетъ вамъ неослабно страдати“. Страданія не заставили себя ждать: Никонъ не задумался передъ первыми встрѣтившимися препятствіями и, опираясь на свою безпримѣрную власть и вліяніе, хотѣлъ силой сломить начинающійся протестъ. И вотъ начинается длинный рядъ административныхъ каръ, публичныхъ опозориваній, ссылокъ въ отдаленные монастыри и дикую Даурію [2]),—всѣ эти суровыя мѣропріятія, возбуждавшія глубокую личную ненависть къ патріарху, принявшему на себя „мучительскій образъ“, а его противниковъ окружившіе ореоломъ исповѣдничества и мученичества—несомпѣннымъ въ глазахъ народныхъ массъ доказательствомъ правоты защищаемаго ими дѣла...

Мы остановимся на этомъ моментѣ борьбы двухъ направленій и попробуемъ подвести итоги сказанному.—Если принять во вниманіе съ одной стороны—тотъ складъ понятій и убѣжденій, какимъ отличались противники дѣла Никона, съ другой—тѣ средства и пріемы, какими повелъ патріархъ свое дѣло и къ какимъ на первыхъ же порахъ обратился

ствіи по адресу „никоніанъ“ Аввакумъ—и мы тому смѣемся. И робенокъ разсмѣется вашему безумію. Коли насъ за старину святую проклинать, ино и отецъ вамъ, и матерей подобаетъ своихъ проклинати, въ нашей вѣрѣ измершихъ“ (Матер. т. V, стр. 188). Еще рѣшительнѣе раскрываетъ ту же мысль дьяконъ Ѳедоръ: „Аще мы прокляти отъ соимища ихъ (никоніанъ) лукаваго, то убо и вси святіи отцы наши, русстіи свѣтилницы, благочестивіи князи и царіе, и святѣйшія патріархи, и митрополиты, и архіепископы, въ шести стахъ и семидесяти лѣтѣхъ бывшія отъ крещенія владимерова, и вси православныя христіане тогдашнія прокляти суть отъ пынѣшняго собора Никонова. И аще они святіи отцы русстіи прокляти отъ никоніанъ, то убо и гречестіи святіи отцы древніи прокляты суть, отъ нихже пріяша наши отцы святую вѣру истинную вскорѣ по совершеніи седмаго собора, и старыя непорочныя книги безъ всякаго примѣса еретическихъ духовъ, и самое исполненіе благочестія. И аще прокляти отъ никоніанъ тогда суще православныя пастыріе гречестіи, то убо прокляти суть отъ нихъ и святыя вселенскія соборы...“ (Матер. т. VI, стр. 207—208).

[1]) Матер. для ист. раск., т. V, стр. 207.

[2]) Матер. для ист. раск. т. I, стр. 20—26; т. V, стр. 18 и сл.

для его защиты,—то намъ не зачѣмъ будетъ обращаться къ предположенію какихъ бы то ни было мотивовъ личной вражды къ Никону, какъ *первоначальной* причины протеста противъ его дѣла. Не вражда къ личности вызвала протестъ противъ исправленій, а наоборотъ— протестъ противъ разрушенія дорогихъ преданій народной старины вызвалъ вражду къ личпости и создалъ личную борьбу. Равнымъ образомъ, намъ не за чѣмъ будетъ искать посторонпихъ, нецерковныхъ причинъ народнаго протеста, пользующихся обрядовыми разностями только какъ внѣшнимъ предлогомъ и прикрытіемъ: для насъ и безъ того станетъ понятно, почему многіе русскіе люди готовы были умереть за единую букву „азъ“ въ святыхъ книгахъ, преданную отцами,—лишь бы не допустить ея измѣненія ради подражанія грекамъ. Связь церковнаго раскола, появившагося при Никонѣ, съ земскимъ и политическимъ протестомъ раскольниковъ — стрѣльцовъ при Петрѣ и послѣ него станетъ вполнѣ понятна, если мы будемъ смотрѣть на пихъ, какъ на *двѣ стороны одного и того же явленія*. Наконецъ, мы будемъ въ состояніи опредѣлить и оцѣнить по достоинству дѣйствительную роль многопоруганнаго русскаго „невѣжества“, придавшаго ряду безразличныхъ церковно-обрядовыхъ мелочей значеніе „великихъ догмàтовъ“, необходимыхъ для чистоты православія и не подлежащихъ перемѣнѣ. Мученикъ раскола былъ жалокъ, умирая изъ-за недоразумѣнія, порожденнаго его неумѣньемъ различать существенное и неизмѣнное въ вопросахъ вѣры отъ измѣнчиваго и случайнаго; но это неумѣнье онъ раздѣлялъ, какъ мы видѣли, съ своими православными современниками и во всякомъ случаѣ—умирилъ не какъ фанатикъ безсмысленнаго буквализма, а какъ защитникъ неизмѣнности отеческаго преданія, покушеніе на которое видѣлось ему за простою перемѣною буквъ и словъ [1]). Вотъ эта-то защита неизмѣнности русской церковной жизни въ ея исторически сложившихся формахъ,—защита, конечно, неумѣлая по своимъ пріемамъ и несправедливая по существу (такъ какъ она, въ концѣ концовъ, привела къ предпочтенію мѣстнаго преданія голосу Церкви вселенской)—

---

[1]) Матер. для ист. раск., т. VI, стр. 12 и 189.

и составляетъ, по нашему мнѣнію, *сущность* русскаго раскола старообрядства. Расколъ есть протестъ религіозно-національнаго самосознанія извѣстной части русскаго народа противъ попытки подчинить его стороннему авторитету въ то время, когда—по мнѣнію русскихъ людей—религіозный бытъ ихъ достаточно сложился и окрѣпъ для того, чтобы громко заявить свои права на самостоятельность. Этотъ протестъ возникъ и выразился открыто, какъ только старорусскій укладъ мыслей пришелъ въ столкновеніе съ инымъ теченіемъ, возникшимъ у насъ послѣ сближенія съ учеными иноземцами — греками и малороссами: здѣсь коренная *причина* появленія у насъ старообрядческаго раскола. Не будь этого другого теченія, раскола бы не было, но за то, быть можетъ, русская жизнь, отдѣленная своего рода китайскою стѣною отъ иноземныхъ вліяній, никогда не достигла бы тѣхъ успѣховъ въ расширеніи умственнаго кругозора и въ устройствѣ внѣшняго быта, какіе оказались возможны для нея благодаря тому, что она была выведена изъ своей національной исключительности и вступила въ живыя отношенія съ просвѣщеннымъ Западомъ.

Таковы окончательные выводы нашихъ изысканій въ области даннаго вопроса.—Принимая изложенный взглядъ на сущность и причины старообрядческаго раскола, мы должны, конечно, разъ навсегда отказаться отъ старой привычки нашихъ историковъ—полемистовъ одерживать легкія, но невѣрныя побѣды надъ расколомъ при помощи заявленій, что онъ есть плодъ крайняго невѣжества, личной злобы и недобросовѣстности. Но это не должно и не можетъ — какъ намъ кажется—служить основаніемъ для какихъ-либо предубѣжденій противъ принятаго нами взгляда съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ интересовъ противораскольнической полемики. О такихъ побѣдахъ, какія сейчасъ упомянуты, могутъ жалѣть только тѣ, кто не вѣрятъ въ возможность иныхъ побѣдъ надъ расколомъ, болѣе прочныхъ и вѣрныхъ. Важны же, конечно, только эти послѣднія, — но онѣ подготовляются не разсужденіями о совершенномъ ничтожествѣ противника, а вѣрнымъ знаніемъ его дѣйствительныхъ силъ.

Намъ кажется, что уже прошли тѣ времена, когда было позволительно считать обязанностью изслѣдователя — изображать расколъ рѣшительно во всѣхъ пунктахъ „обличаемый своею исторіей“ и всю задачу изысканій сводить къ тому, чтобы указать въ немъ какъ можно бо́льше темныхъ пятенъ и слабыхъ сторонъ и какъ можно меньше здраваго смысла,—и теперь едва-ли можно спорить противъ того, что *полемика* противъ раскола есть одно, а *исторія* (въ смыслѣ историческаго изученія) раскола—нѣчто иное, разумѣется, не противоположное первой, но и не тождественное съ ней. Расматриваемый въ отношеніи къ православно-догматическому ученію, церковно-богослужебной практикѣ и каноническимъ основоположеніямъ, расколъ представляетъ не мало различныхъ заблужденій, недоразумѣній, церковныхъ правонарушеній, обличеніе которыхъ представляетъ обильнѣйшій матеріалъ для противораскольнической полемики,—настолько обильный, что въ дополненіе къ нему вовсе не нужно сознательно замалчивать или односторонне-тенденціозно освѣщать историческіе факты. Въ виду этого историкъ раскола съ спокойною совѣстью можетъ изучать его точно такъ же, какъ и всякое другое историческое явленіе, отмѣчая въ немъ не только проявленіе темныхъ силъ русской исторіи, но и нѣкоторыхъ свѣтлыхъ сторонъ русской народной души...

И. Громогласовъ.

---

3 - ДЕК 1946

2007080099